

НАДЕЖДА ВАЛЕНТИНОВНА
ПЕРВУХИНА

МАСТЕР ВЕТРОВ И ВОД

Надежда Первухина

Мастер ветров и вод

«Первухина Надежда»

2006

Первухина Н. В.

Мастер ветров и вод / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда»,
2006

Знаете ли вы, что такое фэн-шуй? Нет, вы не знаете, что такое фэн-шуй! И слава Нефритовому владыке, что не знаете! Потому что иначе попали бы вы в такие приключения, от которых голова кругом пойдет. Вот Нила Чжао – китаянка русского происхождения – она фэн-шуй знает как свои пять пальцев, она настоящий мастер! И думаете, ей от этого легче живется? Как бы не так! Такое с нею происходит, что бледнеют мифы и древнего и нового Китая. Потому что Нила Чжао, мастер фэн-шуй, и сама в какой-то мере – миф... И от этого не спасут никакие талисманы «ветров и вод»!

© Первухина Н. В., 2006

© Первухина Надежда, 2006

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Письмо с красной рыбкой	12
Глава вторая. Привлечение удачи	22
Глава третья. Три звездных старца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Надежда Первухина

Мастер ветров и вод

Посвящается замечательной художнице Надежде Швеи, которая понимает мою нежную страсть к Китаю и к фэн-шуй.

Выражаю огромную благодарность моему другу Ларисе Паниной за ее непосредственное участие в создании этой книги.

Изложенные в данном руководстве правила работают вне зависимости от того, хотите вы этого или нет.

Фэн-шуй для чайников

Пролог

(За шесть лет до происходящих в книге событий)

Учитель сказал:

– Красное привлекает *ци*. Золотое привлекает *ци*. Но если ты не будешь знать, где, как и когда правильно применить красное и золотое, то *ци*, привлеченная тобой, будет подобна журавлю, заточенному в клетку для цыпленка. И тогда *ци* сыграет с тобой злую шутку, ибо превратится в *ша*. Ты понимаешь меня, Европейка?

На всякий случай я сказала:

– Да, учитель.

Учитель метко вытянул меня бамбуковой палкой по лодыжкам:

– Лжешь, Европейка! В твоём голосе я слышу одну тупость, тупость, которая бывает у глухих! Ты вновь вопреки моему запрету надела серьги!!!

Ну, надела, вот уж, можно подумать, великий грех. А на лодыжках, кстати, будут синяки. Очередные. Но это ерунда. Учитель Ван То – единственный представитель противоположного пола, от которого я не только стерплю побои и оскорбления, но еще и спасибо скажу. Причем скажу искренне. Нет, это не мазохизм, как кто-то, возможно, подумает. Это нормальные отношения, основанные исключительно на педагогике. То есть он – учитель, я – ученица, а бамбуковая палка – необходимый атрибут педагогического процесса. Будь я поспособней, глядишь, синяков стало меньше...

– Не думай о способностях, которых у тебя нет! Думай о способностях, которые можешь в себе раскрыть! Иними свои серьги, Европейка!

Опять учитель прочел мои мысли – те, что относительно способностей. Вздохнув, я вынула из ушей новые и очень модные серьги, бросила их на пол и мысленно с ними попрощалась. Вовремя. Матерчатая туфля учителя оставила от них не поддающийся восстановлению мелкий прах.

– Вымети, – брезгливо бросил учитель.

Я достала метелку из птичьих перьев и старательно исполнила приказ. Что ж, сама виновата. Служенье муз не терпит суеты, а служение мудрости ветров и водных потоков – глупости и самонадеянности. Ну и суеты, конечно, тоже.

– Сядь, – приказал учитель Ван То несколько смягченным тоном. – Успокой сердце, раскрой внимание.

– Да, учитель.

Пустые глазницы учителя изучающе уставились на меня. К этому я за годы обучения постаралась привыкнуть в первую очередь. Учитель Ван То был слеп – в своей прошлой жизни он каким-то образом перешел дорогу одной из вездесущих, всеведущих и всемогущих гонконгских «Триад». Но отсутствие глаз вовсе не мешало учителю сказать, в каком наряде (вплоть до цвета и фактуры ткани) я явилась на занятие. Или – допустим – что я нацепила серьги, которые, как и прочие украшения, учитель Ван То считал сущим наказанием для человека, постигающего управление Пятистихийностью. Иногда учитель представлялся мне окном, сквозь которое беспрепятственно лился как свет, так и тьма, как цвет, так и бесцветность...

– Назови мне пять Счастливых Даров Неба. – Лицо учителя было бесстрастно.

– Здоровье, долголетие, добродетель, богатство и тихая кончина от старости, – выпаливаю я. Меня посреди ночи разбуди и начини экзаменовать – все скажу, ничего не утаю.

– Хорошо. – Учитель позволяет себе кивнуть. – Пять Вечных Добродетелей?..

– Человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость... Я забыла, как на диалекте будет «fidelity»¹, учитель.

Он ворчливо произнес необходимое слово и прибавил:

– Ты находишься здесь достаточно долго, Европейка, чтобы выучить хунаньский диалект! За тебя говорит твоя лень. Каждое утро я спрашиваю себя: чего ради взялся тебя учить?

Признаться, я тоже себя об этом спрашиваю, правда, не столь часто.

Ведь кто я такая?

О, это с какой стороны посмотреть.

Начнем с имени. Оно у меня длинное, как Великая стена. Не-о-нил-ла. С таким именем трудно жить в приличном обществе, потому все вокруг давно и прочно зовут меня Нилой. Когда я говорю «все», то не подразумеваю учителя Ван То – он как поименовал меня с начала обучения Европейкой, так до сих пор и не намерен отклеивать от меня эту полупрезрительную кличку. Виной тому опять-таки тонкости китайской педагогической системы: ученик должен всей душой осознавать, что учитель – всё, а он, ученик, – пока еще ничто. Тем более что мой учитель не зря именуется почтительным словом «сяньшэн». Буквально это означает «ранее родившийся», а иносказательно – «старейший мастер». Во всем Китае мало мастеров фэн-шуй его уровня. Так что мне повезло... Но вернусь к своей биографии.

Вы не ошибетесь, если решите, что несовременное, пахнущее парным молоком и свежескошенным клевером имя Неонилла указывает на мои квазиславянские корни. Так оно и есть.

Недаром учитель Ван То прозывает меня Европейкой. Ведь он с экуменической наивностью полагает, что Россия – воистину европейская страна. Внимание, момент истины: да, я русского происхождения, но лишь наполовину. Дед мой, Денис Дмитриевич Ларин, был русским, вернее, советским офицером и служил в Гуанчжоу в то время, про которое пелось «русский с китайцем братья навек». И неудивительно, что моей бабушкой стала китаянка из очень бедной крестьянской семьи. Семьи, всю жизнь ревностно возделывавшей клочок неплодородной земли размером с детское одеяльце и уютившейся в фанзе, больше напоминающей ласточкино гнездо, чем человеческое жилище. Бедность бабушкиной семьи и худость ее рода – Чжао – не помешали деду жениться на бабушке и, когда вышел срок службы, вернуться с изящной, как фарфоровая куколка, и трудолюбивой, как муравей, женой в Советский Союз.

Моя китайская бабушка Юцзян Чжао-Ларина своей жизнью полностью подтвердила старинную китайскую же поговорку, гласящую: «Женщина сильнее мужчины». Она тянула на себе все домашнее хозяйство, исправно рожала детей и терпеливо сносила крутой нрав военизированного мужа. Дед, в продолжение всей своей карьеры трепещущий перед таинственным могуществом НКВД и КГБ, за этот позорный страх отыгрывался на домашних, превращая их жизнь в подобие колонии строгого режима. И если бы не бабушка с ее кротостью, нелицемерной добротой, непробиваемым оптимизмом и невероятной стойкостью, вряд ли из ее детей вышло что-нибудь путное. А вот вышло же! Старший сын – мой дядя Александр – стал профессором эндокринологии, он до сих пор читает курс в одном из московских вузов. Средний сын – дядя Вячеслав – до перестройки занимался всяческими полулегальными «операциями-кооперациями», а после перестройки стал вполне законным бизнесменом, совладельцем какой-то солидной компании, которая после нескольких банкротств и смен вывесок таки ухитрилась выкарабкаться к безбедной и осиянной светом новой экономики жизни. Младший сын – мой отец... В общем, можно сказать, что ему не повезло. Дед потребовал от своего младшего сына продолжения семейной традиции. И пришлось отцу стать военным. По молодости лет офицерский быт еще представлял для отца кое-какую романтику, но с возрастом, сменой семейного положения (отцу пришлось жениться на матери, потому что на свет грозила появиться я и появлением своим наложить пятно на репутацию тогда еще советского офицера) утратил

¹ Верность.

всякий блеск и лоск. Немудрено, что отец почти всю жизнь считал себя неудачником и жертвой обстоятельств. Обстоятельствами были: деспотичный дед, почти нелюбимая жена, почти нежеланная дочь – то есть я, Неонилла Ларина.

В детстве нелюбовь родителей для ребенка все равно что кислородное голодание. Авитаминоз души. Я не понимала, за что они так со мной – лишь за то, что появилась на свет? Мать и отец постоянно ссорились, а поскольку жили мы с дедом и бабушкой, мой героический дед-офицер считал своим гражданским долгом каждую внутрисемейную склоку раздуть до масштабов глобальной войны. Только бабушка Юцзян старалась всех примирить и умиловить. И еще – бабушка Юцзян была единственным человеком на земле, который любил меня по-настоящему, всей душой... Моя бабушка верила в перерождения, и я думаю, что если ей суждено переродиться, то станет она какой-нибудь китайской святой или богиней.

От бабушки же мне досталось самое дорогое наследство (мне тогда не было и десяти лет) – большая фарфоровая кукла-китаянка неопишущей красоты и странная квадратная дощечка с прикрепленным к ней блестящим медным диском, исчерченным крохотными иероглифами. В центре диска белело окошечко – там дрожал волосок магнитной иглы... Это был компас-луобань, компас мастеров ветров и вод, но что я могла понимать об этом в детстве! Я, разумеется, больше дорожила фарфоровой красавицей в алой шелковой юбке, золотой кофте, отороченной белым мехом, и с розами в длинных черных косах...

А еще от бабушки Юцзян мне в наследство досталась одна мудрая фраза, которую я долго не могла понять:

Какая хула тому, что возвратился на собственный путь?

...Наверное, в те времена я еще не понимала Пути, потому и...

Но об этом потом.

Бабушка Юцзян умерла, когда мне едва исполнилось одиннадцать лет. А нелюбимая и никому особо не нужная девочка Нила продолжала расти, учиться и хоронить свои незатейливые мечты. У меня для них было целое кладбище – для своих мечтаний и надежд. Но с одной мечтой я расставаться никак не хотела. Я сделала ее целью своей жизни!

Я хотела учиться в Москве и выйти замуж за иностранного студента!

Ох, недаром говорят, что надо быть поосторожней со своими мечтами: вдруг возьмут да и сбродятся!

Мне было двадцать два года, я заканчивала престижный факультет престижного столичного вуза (мой удачливый старший дядя помог туда пристроиться) и на одной премилей вечеринке познакомилась с премилым парнем, чей кливлендский акцент ввел меня в коматозное состояние большой и чистой любви. Роджер Хент был стопроцентным американцем, неизвестно каким счастливым ураганом занесенным в мир московского студенчества. Кажется, Роджер намеревался писать книгу о новой России или что-то в этом роде... Во всяком случае, первые полчаса нашего знакомства он говорил о книге. А дальше было уже не до разговоров, потому что я уж расстаралась показать простому кливлендскому парню, на что способны российские студентки.

А потом я повторила ошибку собственной матери. Я знала, что Роджер когда-нибудь да вернется в свой Кливленд и найдет себе американскую подругу жизни. Но это не входило в мои планы, ибо подругой жизни Роджера намеревалась стать я – прочно и навсегда. А потому я совершила диверсию в виде беременности и, не жалея слез, слов, стенаний, описала Роджеру кошмарную ситуацию, в которой окажусь, если он не женится на мне и не увезет в США... Пришлось даже пару раз имитировать самоубийство, и это Роджера проняло. Мы поженились, я претерпела все круги ада, связанные с переездом в Америку и получением гражданства, но важен факт: мечта сбылась!

Ну не прекрасно ли жить на этом свете, господа?

Так я стала американкой Нилой Хент, обосновавшейся в пригороде Кливленда и воспитывающей дочку по имени Кэтрин, пока муж занимается написанием новой книги... о брачных традициях племен островов Бора-Бора... Ну что цепляться за эвфемизмы – Роджер мне банально и скучно изменял: и с женщинами, и с «Джеком Дениелсом». Причем «Джеку Дениелсу» всегда везло больше, чем женщинам Роджера.

А вообще мой американский муженек клял меня на чем свет стоит: я слишком не вовремя вторглась в его карьеру со своим ребенком. Американская мечта выглядела мрачно и бесперспективно, и, возможно, именно тогда я вспомнила старую поговорку бабушки Юцзян:

Какая хула тому, что возвратился на собственный путь?

Я прожила с Роджером три с половиной года и подала на развод. По решению суда Кэтрин осталась со мной (попробовал бы этот ублюдок отнять у меня мою девочку!), а бывший муж обязывался уплатить мне отступные в размере трехсот тысяч долларов. Разумеется, никаких денег я не получила – откуда им было взяться, если ни одна из книг Роджера так и не выкабалась из пеленок рукописей и заметок...

Американка русского происхождения да еще с ребенком на руках вряд ли может рассчитывать на приличную работу. Мы с Кэтрин уехали из Кливленда в Висконсин и перебивались там, как и чем могли.

А потом произошло чудо. Из разряда таких чудес, что случиться, конечно, могут, но особенно на них никто не полагается. Нет, на горизонте нашей с дочкой жизни не появился принц со всеми положенными принцу атрибутами. Принц – это банальность, годная лишь для сказок. Произошло другое.

У меня объявились Удивительные Родственники.

В том-то и дело, что не те, которые остались в России! Мои российские родственники (даже мать) напрочь забыли меня, едва я стала американкой и в ответ на их письма с просьбами о дочерней любви в виде чеков «Америкэн экспресс» присылала фотографии маленькой Кэтрин. А оба дяди – что профессор, что бизнесмен – холодно презирали меня за то, что я смогла сделать жалкую карьеру «американской жены». Ну и черт с ними со всеми, не о них разговор.

Удивительные Родственники явились ко мне из Китая.

Помните, я говорила, что род моей бабушки – Чжао – был низким? Однако прошли времена, и род Чжао возвысился и разбогател, невзирая на все происходящие в Китае политические катаклизмы. И глава рода Чжао, будучи на смертном одре, повелел найти всех потомков Юцзян Чжао. Моей бабушки. Найти и осчастливить в буквальном смысле слова.

Так род Чжао нашел сыновей Юцзян – то бишь моего отца и дядьев, но что-то у них с осчастливлением не заладилось. Тут-то всплыла информация обо мне – любимой внучке бабушки Юцзян...

Представляете мое потрясение, когда однажды на пороге моей скромной квартирки в бедном квартале Висконсина объявились два элегантнейших китайца, выглядевшие как гонконгские мафиози из очередного боевика Джона Ву?!

– Здравствуйте, – на вполне приличном английском поприветствовали меня «гонконгские мафиози». – Ваше имя Неонилла Хент, урожденная Ларина?

– Да, – сказала я, мысленно перебирая все имеющееся у меня в квартире оружие, которое я смогу пустить в ход, если эти странные китайцеобразные джентльмены возмечтают на меня напасть. Из оружия вспомнились сырорезка, палочки для еды и игрушечный грузовик Кэтрин (он был тяжелый и громоздкий; если хорошо размахнуться и прицельно бить – коня на скаку остановит). – Да, я Нила Хент. Кто вы такие и что вам от меня нужно?

Тут «мафиози» улыбнулись. Китайцы, кстати, улыбаются совершенно иначе, чем американцы и всё остальное человечество. Улыбка китайца – настоящая тайна, куда там Моне Лизе с ее сладкой кошачьей ухмылкой! Улыбка китайца – это улыбка человека, чьи предки изобрели

бумагу, шелк и государственные экзамены раньше, чем все остальное человечество научилось правильно отвечать на вопрос: «Кто я и почему хожу на задних лапах?»

Так вот, таинственные китайцы улыбнулись, а затем один из них сказал:

– Госпожа Хент, мы ваши братья.

– Оу. Аллилуйя. Да, конечно. Кого представляете, братья? «Свидетелей Иеговы»? «Кристиан сайенс»? «Истинную Обитель Матери Тихих Вод»? Предупреждаю, я – воинствующая атеистка, и вы напрасно потратите время, пытаясь всучить мне свою веру и пачку брошюр непристойно религиозного содержания. Всего хорошего.

Я попыталась прикрыть дверь, но тут китаец заговорил снова:

– Мы не из религиозных обществ, миссис Хент. Мы действительно ваши братья. Очень дальние, правда, но мы с вами родственники. Мы тоже принадлежим к роду Чжао, как и ваша бабушка – уважаемая госпожа Юцзян, да вкушает она росу бессмертия на Девяти Небесах! Позвольте нам войти. У нас есть для вас важная информация.

Я беззвучно отступила в глубь квартиры, пропуская Удивительных Родственников.

...Хорошо, что на тот момент Кэтрин была у одной из моих подруг, державшей у себя дома что-то вроде детского сада... При моей дочке этот разговор мог бы и не получиться.

– Для начала позвольте представиться, – сказал один. – Я Го Чжаовэй, а это мой двоюродный брат – Лао Чжаосинг. Вы, миссис Хент, приходите к нам троюродной и, соответственно, четвероюродной сестрой. Мы очень рады, что наша Семья обрела в вашем лице еще одного родственника.

Слово «Семья» Го Чжаовэй так и произнес – с большой буквы и очень почтительно. В ответной фразе я постаралась соблюсти подобный же тон:

– Поверьте, мне чрезвычайно приятно узнать, что у меня есть родственники в Китае, но...

– Но?

– Для чего я понадобилась... э-э... Семье? Чем я могу помочь Семье?

Лао Чжаосинг одарил меня дивной китайской улыбкой.

– Миссис Хент, – сказал он, – вполне вероятно, что *вы* не можете помочь Семье, но нет никакого сомнения в том, что Семья может помочь *вам*. И мы здесь именно потому, миссис Хент, что *Семья намерена вам помочь*. Ради вашего будущего и во имя прославления божественной памяти госпожи Юцзян.

Я долго молчала. А что я могла сказать? Предположения – одно нелепей и страшней другого – толклись в моей голове, как весенняя мошкара над речной протокой. А еще мне все явственнее слышался тихий, на грани самого шепотливого шепота, голос флейты. Флейта успокаивала, уговаривала, втиралась в доверие...

– И чем Семья может помочь мне? – спросила я, повинаясь уговорам несуществующей флейты.

Лао и Го переглянулись. Затем выразительными взглядами обвели мою комнату.

– Любимая внучка госпожи Юцзян не должна жить в бедности, – сказал Го. – Мы знаем, что вы развелись с мужем, у вас на руках дочь, а средства на ее содержание ничтожны. Так дальше продолжаться не может. Отныне ваша жизнь изменится.

– То есть?!

– Вы будете жить среди членов нашей Семьи. В Китае. У нас есть такая традиция: женщина из Семьи, вышедшая замуж, но лишившаяся мужа в силу различных обстоятельств, поступает под опеку Семьи. Вы и ваша дочь получите все, о чем только можно мечтать...

– Я, знаете ли, уже не рискую мечтать. Вы предлагаете мне поехать в Китай? Это какая-то афера! Авантюра! Нет! Даже если вы и говорите правду и у меня действительно есть дружная и могущественная китайская Семья, я предпочту остаться в своей висконсинской дыре! Я никуда не поеду!

Стоит ли говорить о том, что эта тирада пропала втуне.

Я и Кэтрин поменяли гражданство и место жительства.

Здравствуй, Китай!

Моя китайская Семья действительно оказалась большой и практически всемогущей. Подозреваю, что могущество это было не совсем законным, но к чему упоминать в романе лишние подробности? Зато теперь у меня была своя усадьба (не просто домик, а именно усадьба!) в пригороде Пекина, за Кэтрин смотрели во все глаза бонны и домашние учителя, а я могла тратить свое время и неожиданное богатство на что угодно.

Но «на что угодно» было скучно и бесперспективно. Я не хотела второй раз выходить замуж, меня прельщало иное – найти дело всей своей жизни. Стать мастером. В чем-то, все равно в чем. Словом, совершенствовать себя и мир вокруг.

Я проговорила о своем желании кузену Го. Он с минуту подумал, а потом сказал:

– Ничего в жизни не происходит случайно. Не зря бабушка Юцзян подарила тебе древний луобань.

– Ты про компас?

– Да.

– И что?

– Ты когда-нибудь слышала о фэн-шуй?

– Спрашиваешь! Да американцы без фэн-шуй шагу ступить не могут, всё благоприятные стороны света вычисляют – для бизнеса, для прогулки по магазинам, для секса...

– Это простой фэн-шуй. Для дураков.

– О, даже так?!

– Да. Хочешь научиться настоящему фэн-шуй? Стать Мастером Ветров и Вод?

– А... такое возможно?

– Мой отец поговорит с учителем Ван То. И если учитель Ван То согласится взять тебя в ученицы, ты станешь Мастером. Только сначала реши: действительно ли ты хочешь посвятить истинному фэн-шуй всю жизнь. Иначе нельзя. У нас по-другому не учатся. И не учат. Одно дело – на всю жизнь, достигая бесконечного совершенства.

Сердце у меня на мгновение словно обдало морозным ветром, а потом я сказала:

– Да, я готова отдать этому всю жизнь. Так я стала ученицей мастера Ван То.

Единственной женщиной среди двух десятков других его учеников.

Но когда обучаешься мастерству фэн-шуй, твой пол не имеет значения. Главное – крепкие лодыжки, способные выдержать не один удар бамбуковой палки, вколачивающей в тебя новое видение мира.

Глава первая. Письмо с красной рыбкой

Благородный человек до конца дня непрерывно созидает.
И Цзин

Я все-таки добилась своего.

Я стала мастером фэн-шуй.

Вы скажете, что на самом деле так говорить нельзя. Что настоящий *мастер* никогда не скажет о себе, что он мастер и достиг полного совершенства в освоенном искусстве. А я не говорю, что достигла совершенства. Просто именно так звучит название моей профессии:

МАСТЕР ФЭН-ШУЙ

Ничуть не хуже, чем «адвокат» либо «психотерапевт», верно?

Когда годы моего обучения завершились, учитель Ван То сказал мне со своей неизменной ворчливостью:

– Не позорь имя того, кто тебя учил. Всякое дело делай с открытым сердцем и чистым разумом.

Помни о том, как я учил тебя слушать и видеть. И еще: если однажды в своей работе ты столкнешься с чем-то, что сильнее твоего мастерства, но ты понимаешь, что должна одолеть это, приходи ко мне за советом и помощью. Сейчас ты не внимаешь моим словам как должно, но настанет время, и ты сама вспомнишь о них. Ступай и трудись, Нила из рода Чжао!

Это был первый раз, когда учитель назвал меня по имени.

...Мой очередной китайский кузен (на сей раз Жунь Чжаоту, товарищ серьезный и вечно занятый деловыми переговорами по мобильному телефону) помог мне арендовать небольшое здание под офис в деловой части Пекина (кстати, вот еще одно доказательство невероятной платежеспособности моей новой Семьи). Правда, в процессе поисков офисного здания Жунь Чжаоту, как и положено деловому человеку, устроил мне небольшой практикум на знание простейших правил фэн-шуй. Меня это даже немного насмешило – я шесть лет внимала такому мастеру, как Ван То, а меня экзаменует человек, чья жизнь прочно связана с курсами валют и биржевых акций! Ну что ж, экзамен так экзамен! Когда кузен Жунь указал на предполагаемое здание, я повела себя, как и следует себя вести заправскому мастеру фэн-шуй. Прежде всего я отогнала наш автомобиль подальше на стоянку, сняла с себя часы, золотые побрякушки и даже туфли с металлическими пряжками (кузен смотрел удивленно, ага, значит, в таких тонкостях он не осведомлен!) и, не жалея дорогих чулок, босиком вышла из автомобиля. Медленно направилась к зданию, чуть отстраненно замечая, что на фоне остальных здешних офисов оно выглядит как-то сиротливо... Что ж, настроимся...

– Нила, ты забыла в машине свою лозу и компас! – не преминул напомнить кузен Жунь, следом выбираясь из машины.

– Я не забыла, кузен, – негромко сказала я. – Я нарочно оставила.

Кузен глянул на меня непонимающе и подался было вслед за мной, но я мягко остановила его:

– Я люблю, когда за тем, как я работаю, наблюдают издалека, кузен Жунь. Пожалуйста, останься у машины.

Вот так, босиком, без положенных компаса и лозы я и направилась к зданию. Кузен Жунь вправе был удивляться – всем известно, что мастер фэн-шуй без компаса никуда, иначе как ему вычислить благоприятные стороны. Вот только кузену я не стала объяснять, что учитель Ван То обучил меня самой *быть компасом*.

Я встала спиной к входной двери моего предполагаемого офиса, свободно опустила руки вдоль тела, а ладони подняла под прямым углом, со стороны напоминая женщину, которая решила изобразить пингвинчика.

Постояла так пару минут, глядя прямо перед собой...

Правой ладони стало жарко, левой – холодно. Ага. Значит, под землей, «ощущаемой» моей правой ладонью, или полно электрических кабелей, или...

Правая ладонь у меня просто превратилась в раскаленную подошву утюга!

Что-то здесь не так! Здесь произошло убийство!

Но... Какое-то слишком уж... маленькое.

Ах, вот оно что. Я шевельнула правой ладонью, она начала остывать. Примерно год назад здесь кто-то додумался закопать выводок новорожденных котят. Ублюдки! Немудрено, что здание, которое мы с кузеном облюбовали под офис, примерно с год и пустует, постепенно ветшая. Можно ли ждать успехов в бизнесе, если рядом такое вот «кошачье кладбище»? А здание-то неплохое. Что ж, мне придется потрудиться – для того чтобы нейтрализовать это локальное скопление мертвой *ша*, я разобью перед входом в офис небольшой цветник. Этаким экран из живых цветов, наподобие тех экранов, что китайцы до сих пор ставят около ворот дома для защиты от злых духов. Не понимаете – почему? Элементарно! Представьте ворота и прямую к ним дорожку. Представили? Вот. Злые духи, по верованиям китайцев, могут ходить только по прямой линии, никуда не сворачивая. Экран на их пути – неодолимое препятствие. В злых и добрых духов я, конечно, не верю, но верю в позитивную и негативную энергию – *ци* и *ша*. *Ци* пройдет сквозь экран из цветов, а *ша* завязнет. Да, еще у входа я обязательно устрою фонтан – традиционно считается, где есть фонтан, там бизнес процветает... А души невинно убиенных котят, ублаженных цветами и фонтаном, не станут чинить препятствий моему зарождающемуся бизнесу...

Так, а что у нас с холодной левой ладонью?

О-о-о...

Неужели линия леи? Настоящая? Вот это мне повезло так повезло!

Для тех, кто не в курсе, поясню: леи или линии леев – это сеть энергетических линий, оплетающих всю поверхность земли, как личинка бабочки любовно оплетает себя, превращаясь в куколку-кокон. Линия леи – это источник той самой энергии, которая понуждала наших предков вне зависимости от расы, веры и степени цивилизованности возводить храмы, святилища и капища именно в эпицентре источника. Еще говорят, что маршруты великих путешественников также пролегали именно вдоль линий леев (хотя вряд ли при Нансене или Марко Поло был свой мастер фэн-шуй, который это определял)... Но линия леи здесь... Потрясающе! Странно только, что здесь нет никакой китайской кумирни. Неужели линию никто, кроме меня, не чувствовал. Ну, Нила, гордись!

Я представила, что моя левая ладонь превратилась в тонкую лозу, и принялась осторожно водить ею над землей, определяя направление линии леи. И столкнулась с еще одной странностью.

Похоже, тут не одна, а несколько таких линий, и узел линий леев находится как раз под облюбованным мной офисом! С одной стороны, это замечательно – никогда не будет избытка в позитивной энергии для работы. Но с другой – это все равно что жить на вулкане, который в любую минуту может... того.

Впрочем, трус не вникает в фэн-шуй.

Я расслабилась и трянула руками.

– Ну что? – крикнул кузен, топтавшийся около машины. – Подходит?

– Вполне, – кивнула я и заторопилась к машине: все-таки изображать из себя босоногую леди мне не импонирует. Я натянула туфли и пристроилась на заднее сиденье. – Есть некоторые негативные моменты, но я их устранию. В процессе переделки всего здания.

– А позитивные?

Ох какие у меня любопытные китайские кузены!

– Линия леи. Здесь. Не одна. Эпицентр – в этом здании.

– Амитофо! – благочестиво воскликнул кузен. – Да достанет ли у тебя сил тут работать, сестричка?

– Посмотрим, – бросила я небрежно. – Поехали. На сегодня хватит геомантических изысканий. Но поверь, когда я все здесь настрою как надо, у меня отбою от клиентов не будет.

– Будем надеяться, – заметил кузен скептически, но все равно было видно, что он доволен такими тривиальными проявлениями моего профессионализма.

Застолбить здание под офис – это еще не все. Почти два месяца у меня ушло на то, чтобы устроить все внутри нескольких, отныне принадлежащих мне, помещений согласно принципам изученного мною искусства. Мало того. За свой счет я разбила перед входом в офис небольшую, милую взору клумбу в очень «китайском» стиле: цветы на ней были высажены так, что, распускаясь, образовывали иероглиф «двойная удача». Фонтан тоже возник в свое время, но это была не аляповатая дриада с неизменным кувшином и мраморной тряпочкой на заиндевевших от холода мраморных бедрах. Мой фонтан был образцовым в плане соблюдения стиля китайской непринужденности: этакое невинное нагромождение камешков, по которым тихонько струится вода с непередаваемым звуком покоя. Ох, как я люблю фонтаны, почти так же, как деньги. Кстати, совет. Хотите разбогатеть? Ставьте перед своим домом фонтан. Только не забывайте периодически его чистить и устраивать разъяснительные беседы соседям, полагающим, что фонтан – это та же урна, только почему-то мокрая...

В общем, офис у меня получился – загляденье, одна комнатка краше другой, и все оформлены и обставлены согласно принципам фэн-шуй. Первыми на открытии офиса побывали мои многочисленные кузены и кузины и, разумеется, дочка. Я чувствовала себя виноватой перед моей Катей-Кэтрин – за то, что шесть лет безвыездно жила в глухой провинции, подчиняясь воле и науке мастера Ван То. Теперь же я старалась как можно чаще и назойливее попадаться своей повзрослевшей дочери на глаза. Она похорошела и изменилась. Еще бы! Когда я «поступила в ученицы», Катерине было почти шесть, она имела довольно плаксивый характер и побаивалась всех своих китайских гувернанток. Теперь моя почти двенадцатилетняя дочь напрочь лишилась плаксивости и сентиментальности, ежедневно выполняла гимнастический комплекс под названием «Восемь кусков парчи», читала старинную «Книгу гор и морей» и на мои неловкие просьбы о прощении ответила рассудительно: «Ты же искала совершенства, мама. А это важнее всего».

– Катюша, как тебе мой офис? – заискивающим тоном спрашивала я.

– Хороший. Мне очень нравятся бамбуковые флейты, подвешенные под потолком.

– Это для...

– Мама, я знаю, для чего подвешивают под потолком бамбуковые флейты. – Моя сроднившаяся с Китаем дочь смотрела на меня серыми европейскими глазами. – И пожалуйста...

– Да, дорогая?

– Называй меня Кэтянь². Меня в Семье все так называют, я привыкла.

– Хорошо...

Упоминание о Семье немного царапнуло мне душу, но, в конце концов, Семья дала мне и дочке все, что только можно пожелать, и мне ли быть неблагодарной. Я обняла дочь:

– Да, милая моя Кэтянь. Ты иногда будешь навещать меня после занятий в школе?

Вопрос был глупый: дочь меня все-таки любила. И все-таки здорово по мне соскучилась. Впрочем, она тут же задала мне еще более глупый вопрос:

– А ты никогда не вернешься к... отцу?

² Нянь – «девица», «барышня», ласкательный суффикс, используемый в женских именах.

– Амитофо! Ты хотела бы этого, Кэтяня?!

– Нет. Нет!

– Тогда и не беспокойся. Я ведь теперь мастер фэн-шуй, и что нам Америка с ее коварными и двуличными мужчинами!

...Итак, я начала работать. Не могу похвастаться тем, что ко мне с первого дня валом повалили клиенты, но и без дела я тоже не сидела. Выполнила несколько крупных заказов по расчету благоприятных мест для строительства загородных усадеб (есть у меня подозрение, что некоторых клиентов направили ко мне мои многозаботливые кузены). Потом были у меня две (или три?) клиентки, которым требовалась консультация по гармонизации внутреннего пространства их квартир. Кстати, все эти клиентки были явно американского происхождения и жили в Китае, подчиняясь то ли собственной блажи, то ли профессиональной деятельности своих мужей... Еще пришлось потрудиться над заказом, где требовалось нейтрализовать пагубные энергетические влияния на недавно выстроенный медицинский центр в пригороде Пекина. Центр выстроили, а проконсультироваться с геомантом забыли, вот и получилось, что, вместо того чтобы выздоравливать, пациенты центра лишь чувствовали себя хуже. С центром пришлось повозиться. Перед въездными воротами я поставила восьмиугольный экран с нанесенными на него триграммами багуа; дорожку, ведущую к главному входу, из прямой сделала изломанной, выющейся, как лента (вы же помните, что духи могут двигаться только по прямой траектории!). А еще (поскольку мои работодатели не скупилась на расходы) я заказала и поставила у входа в клинику двух каменных львов, грозно поднявших лапы и предупреждающих негативную энергию, что ей в этом месте не пробиться. После моей работы в клинике дела пошли благополучно, и мои работодатели сказали фразу, которую я даже хотела сделать девизом всей своей деятельности: «Нельзя экономить на фэн-шуй. Лучше всего найти хорошего мастера геоманта, выполнить то, что он велит, и хорошо ему заплатить». Приятно слышать из чужих уст подтверждение того, что ты не зря существуешь на этой земле!

...Близился китайский Новый год, от хлопушек, петард и цветных бумажных фонариков улицы Пекина превращались в какую-то веселую кашу... Мы с Кэтяня готовились к большой встрече с Семей (кузен Жунь доверительно сообщил мне, что ради этого события будет на несколько дней снят лучший отель Пекина и лучший же ресторан). Я поначалу озабочилась проблемой парадного платья, а потом махнула на это дело рукой. У меня на все высокосторжественные случаи есть отличный наряд: шелковая широкая блуза навыпуск, вся в вышитых драконах и фениксах (а стоячий воротничок украшен перьями зимородка, намекая на мою женскую независимость), плюс шелковые же шаровары необъятного кроя. И еще матерчатые туфельки, сплошь затканые бисером – ручная работа цены невероятной. Все это насыщенного лилового цвета – цвета фантазии и творчества. Куда там парижским нарядам от кутюр! А чтобы быть совсем неотразимой, уложу волосы в традиционную дамскую китайскую прическу, в руки возьму дорогой веер из коллекции вееров кузена Го, и...

– Мам, смотри, тебе опять целая пачка писем и открыток!

...Это у китайцев просто национальная эпидемия: в канун Нового года рассылать родственникам, друзьям, возлюбленным, знакомым и благодетелям очаровательные конвертики красно-золотой расцветки с содержащимися внутри многочисленными благими пожеланиями, а иногда и денежными купюрами. Получать такие письма приятно, но отвечать на них (ежедневно и по несколько десятков раз) довольно-таки утомительно. Но что поделать! Я иногда часами прочитывала благопожелания от теток и дядьев, от кузенов и кузин, от довольных моей работой клиентов, от продавцов в лавочке, где я всегда покупала свежую рыбу и побеги бамбука... Потом принималась отвечать, иногда подключая к этому серьезному занятию Кэтяня. Она, впрочем, не отказывалась – ей, как и мне, нравились эти яркие, раззолоченные конверты, словно и впрямь содержащие целый ворох грядущего счастья...

– Мам, мам!

Кэтия протянула мне ярко-алый конверт с золотым тиснением.

– Что такое?

– Я не могу его открыть! Смолой его заклеивали, что ли?!

– Странно... – Я взяла конверт в руки, повертела...

И он вспыхнул в моих руках!

Точнее, не вспыхнул. То есть, конечно, вспыхнул, но не так, чтоб руки обжечь... Ох, как несвязно объясняю! Но послушала бы я ваши объяснения, если б клочок бумаги в ваших руках вдруг засиял красным светом и превратился...

В рыбку.

Прозрачную, алеющую изнутри рыбку, повисшую в воздухе в миллиметре от моей ладони!

Кэтия пискнула и отгрызла себе ноготь, хотя бросила эту дурную привычку еще в трехлетнем возрасте.

– Что еще за новости... – пробормотала я и качнула ладонью. Рыбка потянулась за ней как приклеенная.

– И что мне с тобой делать? – спросила я у рыбки, причем от волнения перешла на русский.

Но в загадочную рыбку, по всей вероятности, была встроена система синхронного перевода. Потому что рыбка мне ответила (вот оно, китайское волшебство, – еще и рыба говорящая). Ответила, правда, на китайском:

– Человек к тебе добр. Он послал меня предупредить. Бойся неожиданной встречи. Бойся старой дружбы. Несчастья идут с востока, а у тебя нет черепаший панцирь...

От волнения я тоже перешла на упрощенный китайский:

– Кто этот добрый человек? Какой старой дружбы я должна бояться? И, ради всех святых покровителей Китая, зачем мне черепаший панцирь?

Но рыбка принципиально смолкла. А затем осыпалась мне на ладонь крошечными алыми и серебристыми чешуйками.

– Ничего себе поздравленьице! – сказала моя дочь, приходя в себя.

– Это не поздравленьице, – пояснила я, тщательно вытирая салфеткой ладонь. – Это больше похоже на предупрежденьице. Предупрежденьице о том, что у твоей мамы, Кэтия, начались слуховые и зрительные галлюцинации. Потому что таких волшебных рыбок даже в Китае не бывает!

– Мам, я в одной книжке читала, что галлюцинации не могут быть у двух людей одновременно, – заявила Кэтия.

– Что за книжка?

– Фантастика.

– Они напишут... Но если это не галлюцинация, то что?

– Может, у тебя есть какой-то тайный враг, вот тебя об этом и предупреждают... Причем как *волшебно* предупреждают!

– Да уж, действительно волшебно. Интересно, каким образом можно добиться такого эффекта – не голограмма же это... Дочь, погоди, я не уловила главного. Враги. Кэтия откуда возьмутся враги у человека моей мирной профессии?

– Враги есть у всех, даже у кролиководов, – глубокомысленно заявила моя знающая жизнь дочь. Но к чему она приплела кролиководов, не пойму...

Мы порассуждали на тему волшебной рыбки и ее предупреждений еще с полчаса, а потом позвонила кузина Синлинь и позвала нас к себе – отведать праздничных лепешек с кунжутом, которые у нее получались просто божественные.

У кузины Синлинь мы остались до позднего вечера. Она уговорила Кэт остаться и заночевать, а я, не терпевшая спать вне стен родного дома, вызвала такси и отправилась к себе. Пред-

варительно взяв с кухни обещание, что утром она не позволит Кэт съесть более пяти лепешек (иначе несварение желудка моему чаду обеспечено) и самолично отвезет девочку домой.

О красоте ночного Пекина можно слагать оды, исполнять хоралы и сочинять симфонии. Впрочем, красота эта – на любителя, и мне повезло, что я как раз из числа таких вот любителей. А когда проезжаешь мимо площади Тяньаньмэнь – сияющей, всегда многолюдной, переливающейся огненными иероглифами, – тебя охватывает трепетное чувство гордости за эту удивительную страну.

Мы покинули центр Пекина, углубились в переплетение улиц, улочек и переулков, которых в этом городе имеется великое множество. С неба сыпался снег, серпантин и конфетти – везде ощущалось присутствие новогоднего настроения. Красота!

Я попросила шофера ехать помедленнее, а сама, приоткрыв окно, любовалась всполохами неона на небоскребах, сверкающими гирляндами фонарей над лавчонками и супермаркетами, шумом, суетой, велорикшами в ярко белевших шляпах-конусах...

Вот с одним из таких велорикш и столкнулось мое медленно едущее такси.

И как только их угораздило?!

Нет, ничего трагедийного, ни рек пролитой крови, ни хруста проломленных черепов. Вообще, в Пекине такие маленькие аварии не редкость и, как правило, даже не требуют вмешательства полиции, если дело обошлось без членовредительства. Велорикша свалился, его коляска опрокинулась и явила нашим взорам (шофера и моего) не очень представительную даму явно европейской наружности. Рикша немедленно принялся то кланяться своей пассажирке, то грозить кулаком нам – виновникам аварии. Шофер и рикша начали монотонно выяснять отношения, а я тем временем повнимательнее пригляделась к даме. А она – ко мне...

– Еще раз прошу прощения за этот неприятный инцидент, – сказала по-английски я, а в ответ услышала неожиданное и абсолютно русское:

– Ларина, ты, что ли?!

Я так и застыла соляным столпом. А незнакомка продолжала, теребя свой полотняный шарф, явно купленный в районе пекинских магазинов распродаж:

– Нилка Ларина, ну это надо же?! И где – в Пекине!!! Вот уж воистину мир тесен! Нилка, да хватит тебе притворяться, что ты меня не узнаешь. Сонька я, Сонька Вязова, теперь вспомнила?!

– Вспомнила, – медленно выговорила я. Нет, я вовсе не притворялась, что не узнала в этой негламурного вида даме свою бывшую однокурсницу. Ее действительно невозможно было узнать. В те благословенные годы, которые я проводила под крышей Московского универа, Сонечка Вязова была прелестна, как цветущий лотос, и легкомысленна, как стайка колибри. Студенческие одежды Сонечки Вязовой заставляли преподавателей-мужчин страдать от самых сладострастных мыслей, а нам, однокурсницам, предоставляли возможность молча изнывать от зависти. Сонечка Вязова блистала и искрилась, внося в серую атмосферу аудиторных занятий и семинаров этакий аромат солнечного зайчика, помещенного в хрустальный флакон с дорогими духами. Надо ли говорить, что все контрольные и курсовые работы ей засчитывали исключительно за шарм и голые коленки (потому что преподавательский состав у нас был сплошь мужским)... Но это все детали, которые мне услужливо подсовывала моя память, отравленная воспоминаниями о студенческих годах. А женщина, что стояла передо мной и называла себя Соней Вязовой, ну никак не отождествлялась в моем сознании с тем призрачным, мишурно-ярким образом, что всплыл из памяти, как медуза на гребень волны! Теперешняя Сонечка Вязова выглядела невнятно, блекло, уныло и как-то автоматически напрашивалась на жалость и соучастие. Если прежняя Сонечка могла бы стать звездой бразильского карнавала, то теперешняя явно пришлась бы ко двору какому-нибудь женскому монашескому ордену. С очень строгим уставом.

– Нила, – жалобно повторила она. – Неужели ты меня не узнала?

– Узнала-узнала, – успокаивающе сказала я и добавила ложь во спасение: – Ты совсем не изменилась, Сонечка.

– Правда? – просияла она и тут же одарила меня объятиями вперемешку с некоторой долей слез.

Когда с объятиями было покончено, она спросила:

– Как ты оказалась в Пекине?

– Тот же самый вопрос я только что хотела задать тебе, – усмехнувшись, сказала я. – Но у меня предложение. Ты не против посидеть где-нибудь и поболтать? Здесь неподалеку есть приличный ресторанчик...

– Там не очень дорого? – забеспокоилась Сонечка, и мне опять стало ее жалко. – А то я еще с рикшей не расплатилась.

– Рикшу я беру на себя, – снова улыбнулась я, ощущая, что в моей улыбке явно проступают черты забытого периода моей американской жизни.

...Рикша, как видно почувствовав во мне бывшего пекинского жителя, торговаться и набивать иену за ремонт своего помятого велосипеда не стал, утешившись сравнительно малой мздой. Разобравшись с рикшей, я обратилась к водителю такси:

– Отвезите нас в ресторан господина Фу, пожалуйста.

Ресторан господина Фу славился отменно приготовленными рисовыми кексами-мигао и, разумеется, фаршированной уткой. А сколько там было соусов и приправ, из которых имбирь и древесный гриб-муэр, поверьте, самые прозаические и невинные! У господина Фу я бывала нечасто, но он, как истинный китаец, не только помнил всех своих клиентов в лицо и по имени, но еще и знал о подробностях их семейной жизни.

– Здравствуйте, госпожа Чжао, вы сегодня без маленькой Кэтянь, но зато с гостьей! Какая честь для моей забегаловки, – поклонился господин Фу.

– Кэтянь вчера объелась кунжутных лепешек у кухни Синлинь, за что будет мной посажена на строгую диету... Представьте, господин Фу, это моя подруга из России. Удивительно, как мы встретились в Пекине, правда?!

– Чудеса! – развел руками господин Фу. – Ну да Пекин полон чудес! Ради такого случая я приготовлю особый стол. Прошу вас, присаживайтесь вот сюда. Не пройдет и четверти часа, как все будет готово. Не подогреть ли вина?

– Ты пьешь вино подогретым? – спросила я у Сонечки. Сама-то я давно привыкла к тонкостям местного употребления алкогольных напитков. А Сонечка растерянно моргала. – Впрочем, у господина Фу всегда есть европейские рислинг и вермут...

– Тогда я буду рислинг, – сказала Соня.

– Вам, госпожа? – обратился ко мне господин Фу.

– Вашего традиционного маотайского, господин Фу. Но совсем немного, у меня столько дел на сегодня, грех будет потерять голову и последние деньги в кошельке!

– Хорошо, госпожа Чжао. Уверяю вас, скоро вы выучитесь пить, как настоящий китаец.

– А разве я уже не выучилась?

Господин Фу улыбнулся мне глазами и ушел, точнее, плавно переместился в сторону кухни – бамбуковые занавески почти и не всколыхнулись. Столь же плавно появился официант, поставил перед Соней бокал рислинга, а передо мной чарочку маотайского.

– Ну, Соня, – сказала я, подымая чарочку. – За встречу!

Не знаю, как пришелся Сонечке местный рислинг, а мне хорошее маотайское всегда казалось жидким солнечным лучом, который, попав в мой организм, начинал освещать и радовать самые темные его закоулки. Для тех, кто не в курсе, маотайское вино – это на самом деле водка из гаоляна, которую делают в городке Маотай провинции Гуйчжоу. Эта водка не чета нашей: она семь раз проходит очистку, выдерживается не меньше трех лет, и крепость у нее пятьдесят

пять градусов. Потому и принято называть ее вином, и цена у маотайского вина не ниже, чем у французского коньяка. Но я отвлеклась...

– Соня, – сказала я. – Я изнываю от нетерпения услышать твой рассказ. Как ты жила все эти годы? И каким ветром тебя занесло в Китай?

– Даже не знаю, с чего начать, – замялась Сонечка. – С прошлой жизни? Там было столько всего... Закончила университет, устроилась на престижную по тем временам работу. Замуж вышла тоже за престижного человека. По тем временам – престижного...

– Дети есть?

– Нет, – покачала головой Соня. – Один раз забеременела, в самом начале семейной жизни, но случился выкидыш, осложненный, и врачи сказали – больше мне беременеть нельзя. Другие бабы такому только радовались бы, а я... Муж мой меня потому бросил – не престижно жить с бесплодной.

– А ты любила мужа, – полувопросительно-полуутвердительно сказала я, делая глоток из чарки.

– Любила, – эхом отозвалась Сонечка. – Травилась тогда, вены себе резала, все хотела, чтоб вернулся, чтоб простил...

– За что простил? – вырвалось у меня.

– Ну, за то, что я такая, – пробормотала Сонечка.

– Какая?!

– Неудачница...

– Чушь! То, что ты не можешь рожать, еще не значит, что ты неудачница! А твой муж просто скотина, если бросил тебя из-за этого...

– Не только из-за этого, – вздохнула Сонечка. – На работе меня сократили. Было тогда такое в России повальное сокращение штатов, ты-то ведь уже в Америку уехала.

– Про мою Америку я тебе позже расскажу, тоже история хоть куда. Ты продолжай.

– В общем, уволили, а я получала хорошо, муж мог не работать, жили мы на мои деньги...

– Ой, как это мне знакомо. Ладно. Утри слезу и забудь о нем.

– Да я и забыла. Осталась я без мужа, без работы, без денег. Квартиру хорошую пришлось продать, с жильем кое-как перебивалась у родственников... Работу искала... За что только не хваталась, ты и представить себе не можешь...

– Почему же, – тихо пробормотала я. – Вполне могу.

– Так-то вот... – сказала Соня. – Годы идут, а ни счастья, ни удачи нет, живу как будто за стеклом. Этим стеклом меня отгородили от всего остального, нормального мира, некому даже душу излить... Ты, Нила, первая, кому я вот так откровенно. Может, потому что мы не в России, а в Китае встретились?

– Кстати, – задала я наводящий вопрос – А в Китае-то ты как оказалась?

– Бизнес, – невесело усмехнулась Соня. – Нет, ты не подумай, не мой бизнес. У меня хозяева – семейная пара – в Туле держат сеть магазинчиков со всякой китайской экзотикой: веера там, картинки, статуэтки, сервизы дешевые... Ширпотреб, в общем. Но сами они по закупкам не ездят, для этого есть я и еще пара девчонок. Мы по разным дешевым лавчонкам таскаемся целыми днями, договариваемся на опт, на скидки. А потом товар – контейнерами – в Россию.

– А-а... – протянула я. – И выгодно тебе так работать?

– По деньгам – не очень, но зато возможность есть другую страну увидеть, хоть и вижу я ее только со стороны магазинов... Веришь, мне Россия такой чужой кажется, что я, когда из Китая возвращаюсь, больше месяца там и, не живу.

...Нам давно принесли заказанную фаршированную утку и мигао, но было как-то не до еды. Понимаете, странный я человек. Когда мне кто-нибудь принимается рассказывать о судьбе, которая не сложилась, о любви, которая обманула, о бизнесе, который прогорел, у меня

возникает желание вмешаться и все исправить. Учитель Ван То, когда я сказала ему о таком, ответил мне загадочно: «Стрелка компаса не может не указывать на север».

Сейчас эта «стрелка» во мне точнехонько указывала на Соню. Из ее рассказа нельзя было вывести, что она катастрофически и глобально несчастна, но... Соня представлялась мне домом, в котором все устроено не по фэн-шуй, и оттого удача обходит этот дом стороной. А кто у нас мастер фэн-шуй?..

– Нила, а ты как жила все эти годы? Я думала – ты в Америке, со своим... Его, кажется, зовут Роджер?

– Да, я жила в Америке со «своим» и с дочерью. Потом мы с Роджером развелись – это в Америке почти повседневная и тем не менее треплющая нервы процедура. Мне досталась моя Кэтрин, а Роджеру – свобода. Какое-то время мы с дочкой жили, прямо скажу, несладко, потому что Роджер не высылал нам никакого пособия, а потом у меня обнаружилась Семья.

Теперь и я научилась произносить это слово с большой буквы!

– Семья? – удивленно переспросила Соня.

– Угу. Моя большая и дружная китайская Семья. Ну что ты так смотришь? Моя бабушка, да вкушать ей райскую жизнь на острове Пэнлай, была стопроцентной китайкой. Я очень ее любила, а она любила меня – даже больше, чем моя собственная мать. И вот в один прекрасный день, когда мы жили с Кэтрин в паршивой американской дыре под названием Висконсин, к нам в дверь постучалось счастье...

Продолжение моей истории Соня слушала с горящими глазами и белыми, словно дорогой фарфор, щеками. Еще бы! Я понимала ход ее мыслей. Кто она – бывшая университетская звезда, скатившаяся до банальной «челночницы», и кто я – никогда не подающая надежд особь, которой неожиданно привалило счастье влиться в богатую иностранную семью. Может быть, поэтому она почти пропустила мимо ушей мой рассказ о годах обучения у учителя Ван То; похоже, истории о моих состоятельных кузенах импонировали ей куда больше...

– И теперь, – решила закруглить свой рассказ я. – Я работаю мастером фэн-шуй. И, похоже, это у меня неплохо получается.

Только теперь Соня вышла из транса, в который погрузил ее мой рассказ.

– Ты *работаешь*? – переспросила она. – А *зачем*?

– Потому что иначе скучно, – найдя верный тон, ответила я. – Потому что мне нравится такая работа. И учитель Ван То не зря тратил на меня шесть лет. Я действительно умею делать некоторые дома и некоторых людей счастливыми. Я умею менять чужие жизни и дела в другую сторону. В *лучшую* сторону.

Вот зачем я это сказала, а? Но слово вылетело – не поймалось. Соня Вязова смотрела на меня с тем выражением лица, какое бывает у утопающего, вдруг выяснившего, что на самом деле вода ему всего по грудь...

– А мою жизнь ты можешь изменить? – нездешним голосом спросила Соня.

– Могу. – А что мне еще оставалось отвечать. – Если, конечно, ты сама этого действительно хочешь.

– Хочу! – Сонины глаза горели. – Может, хоть этот твой фэн-шуй поможет все исправить!

– Что исправить? – спросила я, но Соня не ответила, да и обе мы отвлеклись, потому что официант принес тарелку, на которой лежали два печенья с предсказанием.

– Соня, бери, это и есть знаменитое печенье с предсказанием. Там наверняка написано на китайском, я тогда тебе переведу...

Соня разломала свое печенье, достала оттуда промасленную бумажку, на которой и впрямь темнели иероглифы. Протянула бумажку мне:

– И что там? Предсказано что-нибудь хорошее? Я перевела, удивляясь:

– «То забьешь в барабан, то перестанешь. То заплачешь, то запоешь».

– Странное какое предсказание, – сказала Соня, забирая у меня бумажку.

– Да эти предсказания вообще всегда странные, – засмеялась я. – Для того, чтобы правильно их толковать, нужно не просто жить в Китае, а родиться китайцем...

– Ну а что у тебя? – полюбопытствовала Соня. Я вытащила из печенья все обсыпанное крошками предсказание, развернула...

«Выполнишь просьбу друга – хулы не будет, счастья тоже».

– Переведи! – потребовала Соня.

Не знаю почему, но мне не хотелось переводить ей эту фразу. Я сказала первое, что пришло на ум:

– Новый год принесет новые хлопоты.

– Скучное какое предсказание, – сказала Соня.

– Да, – ответила я.

Глава вторая. Привлечение удачи

*Умой руки, но не приступай к жертвоприношению.
И Цзин*

– Это и есть твой офис? – не скрывая восхищения во взоре, спросила Соня.

Она опустилась в кресло, я придвинула к ней низенький столик со стеклянной поверхностью. На столике стояла чаша, наполненная ароматизированной водой и лепестками цветов. Тут я рассчитала правильно: Соня явно из тех клиентов, которым сначала надо успокоить нервы, расслабиться, а уж потом вникать в суть одолевающей их проблемы. Иногда мне кажется, что учитель Ван То дал мне не только знание фэн-шуй, но и психотерапии...

– Тебе здесь нравится? – вопросом на вопрос ответила я.

– Как уютно... Будто это и не деловое помещение я жилой дом.

– Правильно. Такое настроение у клиентов достигается тем, что я удачно подобрала цвета стен, портьер и правильно расставила мебель.

– Тоже твой фэн-шуй, да?

– Да, только фэн-шуй – не мой. Точнее, не моё. Фэн-шуй – это древнее китайское искусство, с помощью которого можно, выражаясь современным языком, оптимизировать свою жизнь и окружение этой жизни. Хотя некоторые специалисты трактуют фэн-шуй как науку, но я иного мнения.

– И что дает это искусство?

– Ты начинаешь жить иначе, видеть иначе, ощущать иначе. существуешь в гармонии с собой и окружающим миром. Знаешь, что полезно для твоих близких, а что, наоборот, вредит... Вот так примерно.

– Но это же... магия!

Почему-то этот возглас у Сони прозвучал испуганно. Я засмеялась:

– Так-таки и магия... Нет, Соня, магии в фэн-шуй не больше, чем, допустим, в кулинарии. Ну какая магия в том, что состояние твоего здоровья улучшится, если ты почаще начнешь наводить дома порядок, изгонишь всех микробов из туалета и ванной и будешь на ночь отключать в спальне телефон!

– А я никогда в спальне телефон не отключаю – ни мобильный, ни городской, – протянула Соня. – Вдруг босс позвонит. Или еще кто важный...

– Угу. Вот он – психоз современного человека – всегда быть на связи и совершенно не иметь личной, в смысле приватной, жизни. И спишь ты как, хорошо?

– Если бы! Иногда по несколько дней бывает бессонница, без транквилизаторов заснуть не могу... Нила, ты хочешь сказать, в моей бессоннице виноват какой-то телефон?!

– Не только. Но мы начали разговор не с того. Прежде всего я хочу сказать тебе вот что: фэн-шуй может изменить твою жизнь. Правила этого искусства работают вне зависимости от того, хочешь ты этого или нет. Здесь главное – настроиться на *позитивные* правила. Ведь с помощью мастерства ветров и вод можно не только созидать, но и разрушать.

– Как ты сказала, «ветров и вод»?..

– Да. «Фэн» – «ветер», «шуй» – «вода». Об этом ты прочтешь в любом популярном буклете на данную тему.

– Ну и как ты собираешься... улучшить мою судьбу? – слегка напряглась Соня.

– Еще одна типичная ошибка людей, впервые узнающих о фэн-шуй, – усмехнулась я. – Не я лично, индивидуально буду улучшать твою судьбу. Ты в этом процессе примешь самое непосредственное участие. А иначе и смысла никакого нет. Ритуал привлечения удачи требует как минимум двух участников: мастера ритуала и того, кому удача требуется. Понятно?

– Несомненно. Но это все-таки колдовство какое-то!

– Нет, это просто фэн-шуй. Хотя... С какой стороны посмотреть. Для начала заполни-ка мне некую анкету. Чтобы легче было потом работать.

– Кому работать?

– Нам, Соня, нам. Вот тебе бумага и карандаш. Постарайся отвечать подробно и правдиво, в конце концов, уверяю тебя, эта бумажка никому, кроме меня, на глаза не попадется. А я покуда позвоню дочке и приготовлю нам чай. И не просто чай, а такой, какой меня научила готовить одна из моих многочисленных и талантливых китайских кузин...

Я вышла в приемную, оставив Соню наедине с загадочной анкетой. В приемной у меня имелся стандартный, но, на сугубо европейский взгляд, очаровательный набор для чайной церемонии. Я примялась разогревать воду, попутно размышляя о том, как удивительно легли игральные кости, подброшенные судьбой. Надо же мне было повстречать Пэкине, допустим, не Костика Фореева, в которого я была безнадежно влюблена на первом курсе универа (и все стремилась доказать ему, что облагаю массой достоинств и прелестей), а Сонечку Назову, глубоко индифферентную мне в благословенные студенческие годы! Сонечка Вязова тогда парила над всеми нами, серыми университетскими мышками, парила на недостижимой высоте своей красоты и сексапильности... А теперь она пересекла линию моей безбедной, но, в общем, – довольно пресной жизни, внося некий элемент авантюры. Нет, правда! Я чувствовала, что эта встреча – неспроста. Надо же, Сонечка Вязова, мой университетский кумир! Только вот к добру такая встреча или, как говорится, к худу? Ай, чем рассуждать и измышлять всякие глупости, последую совету учителя Ван То, который всегда говорил мне: живи настоящим моментом и моментом настоящего. Лишь это важно для тебя...

Я аккуратно растерла в особой чашке плитку дорогого чая сорта «чешуя зеленого дракона». Растерла, между прочим, с тайным вздохом глубокого сожаления, потому что плитка эта являлась настоящим произведением искусства. На плитке ароматного чая был вырезан узор «радость встречи» – две бабочки в замкнутом кольце своих распахнутых крыльев. Вообще-то узор этот считается символом супружеского счастья, но чем не пожертвуешь ради однокурсницы, верно? А если вас интересует, каким образом чай превратился в резную плитку, поясню. В Китае есть мастера, что из сухого спрессованного чая делают резные панно величиной то с ладонь, то с шифоньер. И пить такой чай – все равно что выкладывать алмазами садовые дорожки...

На деревянной жабе зазвонил телефон. Деревянная жаба – это такая подставка под мобильник, во рту она вместо традиционной монеты держит современное средство, беспроводной связи. Звонила моя Кэтяня.

– Привет, ма!

– Привет, милая. Надеюсь, ты не объелась лепешками у тети Синлинь?

– Нет!!! До конца света ты теперь будешь попрекать меня этими лепешками, ма?!

– Ну что ты... Не злись. Я просто забочусь о твоём здоровье. Ты, надеюсь, уже дома?

– Д-да...

– Кэтяня, я *знаю*, когда ты лжешь. Где ты находишься?

– Всего-навсего в магазинчике, где всякие хлопущики, петарды, огненные шары... Сюда такие петарды завезли – закачаешься.

– Кэтяня, я не хочу качаться от твоих петард! Я тебе решительно не советую даже думать о том, чтоб их купить!

– Ну, ма! Ну пожалуйста! Позволь мне кое-что прикупить к Новому году, а то вы всегда этот праздник так скучно отмечаете...

– Скучно? Кто в прошлом году подпалил соболье боа тети Цань хлопущикой?! С тетей Цань чуть припадок не случился!

– Ма, ну не случился же. Ма! Я бессильно сказала:

– Кузен Го Чжао открутит тебе уши, если ты опять, как в прошлом году, взорвешь петарду во время моления перед домашним алтарем!

– Не открутит, пожалеет. Мам, а ты сама-то где сейчас находишься?

– Между прочим, на работе.

– То есть в офисе?

– Да.

– Ой, тогда я сейчас же к тебе приеду. Обожаю смотреть, как ты работаешь.

– Кэтнян, ты моя дочь, и я безумно тебя люблю, но лучше бы тебе отправиться домой.

У меня тут клиент, точнее, клиентка, и твое присутствие...

– Не будет лишним, не будет! Мам, ну пожалуйста! А кто твоя клиентка?

– Кэтнян, я сейчас завариваю чай, и в такой священный момент говорить по телефону...

– Ну пожалуйста!

– Хорошо. Ты очень удивишься. Я совершенно случайно встретила на улице со своей бывшей однокурсницей...

– Ой, это из России, что ли?!

– Ты удивительно проницательна, дочь моя. Из России. Зовут ее Софья Вязова. Когда мы были студентками, я относилась к категории обыкновенных девушек, а она к категории сокрушающих царства.

– То есть была потрясающей красавицей, от одного вида которой рыбы падали наземь, а птицы уходили на дно реки?

– Хм, не совсем так, но суть ты уловила.

– А теперь? Она по-прежнему сокрушает царства?

– Похоже, что нет. Рассуди логически, дочь моя. Стала бы она клиенткой твоей матери, если бы и до сих пор царства ею благополучно сокрушались? Нет, у Сони масса жизненных проблем. Это я прочла у нее на лице. А через некоторое время, если одна чересчур любопытная девочка перестанет занимать телефон, узнаю и из *анкеты*.

– Мам, я хочу ее увидеть. Я обещаю тебе не покупать петарды, если ты мне позволишь приехать.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Хорошо, приезжай. Но чтоб вела себя...

– Тихо, как мышка. Знаю. Все, жди меня. Целую.

– Да хранит тебя удача.

Я отключила телефон и вернула его в рот деревянной жабы. Если кто-то сочтет бестактным мой разговор с дочерью о Соне в *почти* непосредственном присутствии Сони, то хочу напомнить: с Кэтнян я разговаривала на китайском. Только и всего. Китайский моя дочь знает лучше, чем английский и уж тем более русский. Что вы хотите, отпечаток среды...

Еще сорок минут я потратила на приготовление чая. Затем пристроила на лаковый деревянный поднос чайник, пару чашек, корзинку со сладким печеньем, напоминающим российский «хворост», палочки для еды и, нагруженная таким образом, вышла в приемную.

– Вот и чай, – сказала я.

Соня встретила меня несколько затравленным взглядом. И карандаш в ее пальцах подрагивал. Что могло ее напугать или раздражить в моей анкете? Ладно, разберемся...

– Многие вопросы этой анкеты бестактны, – заявила Соня. – Но я все равно ответила.

– И я благодарна тебе за откровенность, – сказала я. – А теперь прошу – угощайся чаем.

Я налила Соне чашку, положила на блюдечко печенье:

– Уверю, тебе понравится.

Я не ошиблась. Соня пила чай с видимым удовольствием. А я покуда просматривала заполненный ею листок. Что ж, я предполагала нечто подобное. Обыденные несчастья, посте-

пенно одолевающие мою подопечную по обыденным же причинам. Обыденные грешки, комплексом вины доведенные до гигантских размеров и превратившиеся в медленно отравляющий душу яд... Хочется воскликнуть вслед за Достоевским: «Бедная, бедная Сонечка!» Но восклицания неконструктивны, а вот то, что я попробую сделать для Сони, пожалуй, сработает. Кстати, хорошо, что Соня была со мной откровенна – тем проще будет моя работа. Я перечитала анкету еще раз, затем зажгла ароматическую свечу в глубоком бронзовом подсвечнике-чаше, и на ее огне бестрепетной рукой спалила плод Сониных откровений и самобичеваний.

– Ты... зачем? – удивилась она, чуть не поперхнувшись чаем.

– Все, что мне нужно, я узнала и запомнила, причем запомнила накрепко, – успокаивающе сказала я. – И сделала выводы.

– Неутешительные?

– Наоборот, – улыбнулась я. – Соня, да расслабься ты! Мастерство фэн-шуй – это тебе не хирургия, я не собираюсь резать твою жизнь!

Соня засмеялась:

– Просто... все это так неожиданно.

– Да, я сама этому удивляюсь. Но, как говорил мой учитель, нет ни, случайностей, ни неожиданностей. Есть лишь неумение предвидеть и рассчитывать события. Он был великим, мой учитель.

– Был? Он умер?

– Что ты... Поныне здравствует и учит новых мастеров...

– Ой, кстати... Ужасно хочется знать, как же проходило твое обучение. Наверное, вроде того, как обучают монахов в этом... Шаолине? Я, помню, смотрела старый сериал...

– Шаолиньсы, – автоматически поправила я. – Нет. Фэн-шуй – это же не практика боевых искусств. Но строгость обучения и дисциплина примерно такие же. Мне нельзя было пользоваться косметикой, никакой, даже кремами для лица и рук, запрещалось носить украшения. Учитель говорил, что исходящие от косметики и украшений энергии мешают мне постигнуть Пятистихийность и стать настоящим мастером. А еще я была единственной женщиной, обучавшейся у мастера Ван То. Меня там никто не звал по имени, только по прозвищу – Европайка, и да, надо мной любили поиздеваться эти малорослые китайцы. Помню, они все спрашивали, смеха ради, правда ли, что европейские женщины совсем неискусны в любви, холодны и думают только о деньгах.

– И что ты отвечала?

– Я отвечала, что в том повинны европейские мужчины.

– А я-то думала, что ты сама, ну... доказывала обратное этим нахальным китайцам.

– Мое обучение и мое искусство как тогда, так и теперь предписывает мне целомудрие.

– То есть никакой любви и никакого секса? Даже сейчас?!

– Да, – спокойно ответила я. – Потому что я *такой* мастер. Особый. Не смотри на меня с такой жалостью. Секса мне с избытком хватало в прошлой американской жизни, а любовь... Любовью можно и пренебречь. Особенно тогда, когда есть дело, подходящее и для души и для кошелька.

– Ой, кстати, – смутилась Соня. – Твоя работа наверняка дорого стоит... Сколько я должна буду тебе заплатить?

– Соня, давай договоримся, что ты заплатишь мне потом – когда в твоей жизни наступят позитивные перемены. Вот тогда не забудь мастера фэн-шуй, который помог тебе, ладно?

– Да. А ты считаешь, что перемены наступят?

– Уверена. Что ж, начнем. Ты родилась в год Крысы, твоя доминирующая стихия – вода. Вода – хитрая стихия: она и настойчива и уклончива, течет в любое русло, но сметает на

пути преграды, если они появятся. Вода приносит мудрость, богатство и стремление к путешествиям.

– А, так вот почему я в «челноки» подалась, – усмехнулась Соня.

– Отчасти поэтому. А еще потому, что твое число на шкале моего компаса «семерка».

– «Тройка, семерка, туз». Прямо сплошная «Пиковая дама». Извини. И что это значит?

– Гибкость и нервозность, неумение сидеть на одном месте, стремление к новому, неведомому... Ты так называемый «человек запада», но это не касается характера или устремлений. Просто наиболее благоприятные для тебя стороны света – это запад, северо-запад и центр.

– Зачем мне это? – удивилась Соня.

– Это важно. Запомни, и когда будешь покупать себе квартиру или, допустим, строить дом, вот и покупай на западе или в центре. Предварительно сверившись с показаниями обычного школьного компаса – знаешь, такие продаются в магазинах школьных принадлежностей...

– Спасибо тебе большое, – горько сказала Соня. – Ты знаешь, как я живу в Туле? То на квартирах перебиваюсь, то у родственников ночую... И трясусь, чтоб, не дай бог, регистрацию не проверили... А ты говоришь: куплю квартиру, дом построю...

– И купишь, и построишь, – самоуверенно сказала я. – Если будешь в это верить и приложишь определенные усилия. Совершишь, так сказать, ритуал привлечения удачи. Тебе покровительствует стихия Воды, так вот и позволь ей действовать вокруг тебя – там, где будешь жить, вешай больше зеркал, ставь стеклянные вазы синего или черного цвета, заведи аквариум с рыбками... Но покровительства одной воды тебе мало, – решительно сказала я. – Вода относится к инь, тогда как все активное, настроенное на бизнес и карьеру, относится к ян. Как тебе добавить силы ян? Я вот здесь, на листочке, набросаю тебе базовые рекомендации, постарайся их усвоить. Да, и вот еще что. Вода – не единственная стихия в мире. Она, по учению фэн-шуй, взаимодействует еще с четырьмя стихиями, это Огонь, Земля, Дерево и Металл. Я схематично нарисую тебе циклы порождения и разрушения этих стихий, и когда ты в них разберешься, то поймешь, с людьми и вещами какой стихии тебе следует общаться как можно теснее, а каких следует избегать, потому что иначе они буквально превратят тебя в пар.

Соня смотрела на меня глазами человека, которому открылась истина, но он этой истины испугался до чрезвычайности и теперь не знает: в каком бы направлении от этой самой истины скрыться... Но я уже вошла в профессиональный раж. Я наговорила Соне столько всяческих «фэн-шуйских» полезностей, что ей по выходе из моего офиса оставалось лишь одно – немедленно стать счастливой.

Но на самом деле... Нет, не поймите меня превратно: я не лгала Соне, когда раскладывала по полочкам ее гороскоп, ее отношения со стихиями и благоприятными сторонами света: всю ту азбуку, с которой начинается мастерство ветров и вод. Я действительно хотела ей помочь. Вот только, прочитав ее «анкету», я совершенно не была уверена в том, что моя помощь сработает.

И не надейтесь, что я сообщу вам, что же такого крамольного и устрашающего сообщила о себе Соня в анкете (анкете, на самом деле являющейся полуастрологическим-полугеомантическим тестом, но это для посвященных). Меня больше приводили в трепет собственные ощущения, все сильнее возникающие в процессе общения с Соней.

Я – компас.

Я всегда указываю на север.

Я смотрю на Белого Тигра, повелителя Смерти.

А он смотрит на меня – глазами, жестокими, как льдистые сапфиры, – и говорит: «Тебе не изменить ее судьбы».

Но я – компас. Я для того и живу, чтобы менять и меняться. Я умею находить верное направление жизни.

Зря меня, что ли, учитель Ван То лупил бамбуковой палкой?!

– Соня, ты все запомнила? – на всякий случай переспросила я, хотя знала наверняка: в голове у моей бывшей однокурсницы сейчас царит непромешанная каша. Ничего. С полным блокнотом записей, с теми внушениями, которые я сделала ей *особым* голосом и *особыми* словами, она, полагаю, исполнит все, что нужно...

Нужно для ее же счастья.

Потом мы просто пили чай. В Китае питью чая можно посвятить целый день, но мы с Соней еще не настолько прониклись этим духом...

Собственно говоря, проникнуться нам и не дали. Нашу идиллию нарушила Кэтянь, ворвавшись в приемную в таком виде, что даже я слегка занервничала. Нет, ничего ужасного, просто дочь напялила на себя здоровенную пеструю и бахромчатую башку льва с отвисающей челюстью и теперь с помощью этой башки из папье-маше пыталась изобразить несколько па из народного танца Льва и Дракона.

– Катерина! – сказала я по-русски, и такое обращение уже свидетельствовало о том, что я недовольна поведением моей прелестной девочки. – Немедленно сними этот кошмар, иначе ты отправишь меня к Желтым истокам³ раньше, чем я туда собираюсь! Я кому сказала! Постеснялась хотя бы гостью!

Кэтянь, умничка, поняла, что в данный момент я настроена неблагоприятно к ее шалостям, а потому с сожалением стащила с себя роскошную львиную башку. На ковер посыпались мишура и пайетки, но это чепуха. Главное, я узрела свою дочь – вполне здоровую, счастливую и немного чумазую от краски, которой был выкрашен лев.

– Поздоровайся с гостьей, а потом иди умываться, – продолжала я говорить по-русски.

– Мам, ну что ты злишься? – ответила Кэтянь на китайском. – Эту голову мне купила тетя Синлинь и сказала, что я буду танцевать на новогоднем празднике.

– Замечательно, – я упрямо говорила по-русски. – Повторяю: поздоровайся с гостьей. Только на русском языке, потому что гостья не говорит по-китайски.

Моя Катерина вспыхнула – она терпеть не могла, когда я выставляла ее в невыгодном свете. Поэтому она сунула голову льва в угол и с нарочито почтительным поклоном сказала:

– Здравствуйте, госпожа. Соня очень смутилась:

– Привет. Ну какая я госпожа? Я просто старая приятельница твоей мамы... Как мне тебя звать: Катей или Кэтянь?

– Ну, раз мы говорим на русском, – поломалась моя задавака, – то Катей. Скажите, вам понравилась работа моей мамы?

– Конечно! Она дала мне столько советов, как улучшить жизнь... Приеду в Россию и попробую этим советам следовать – вдруг и вправду жизнь изменится? Скажи, Катя, а сама ты веришь в фэн-шуй?

Кэтянь выдала самую язвительную из своих улыбочек (этому ее точно кузен Лао Чжао научил!) и сказала:

– Фэн-шуй не Бог, чтоб в него верить. Вы верите, что вода в чайнике закипит, если поставить чайник на огонь? Вы же понимаете, что воду вскипятил огонь, а не Господь Бог. Это обычная физика. Так и фэн-шуй. Это обычное...

– Катерина, – оборвала я дочь. – Ты давай без своих подростковых философий. Соня и так устала от всех событий, что на нее сегодня свалились.

– Это верно, – сказала Соня, вымученно улыбаясь. – Мне бы сейчас вернуться в свою дешевенькую гостиницу и отоспаться. А завтра – рейд по мелочным сувенирным лавочкам – искать, что подешевле и посимпатичнее, для магазина моих хозяев...

Тут меня кто-то дернул за язык, наверное, коварная девятихвостая лиса, потому что я сказала:

³ Желтые истоки – по поверьям китайцев, загробный мир.

– Еще чего! Соня, мы столько лет не виделись, а ты про какую-то гостиницу... Поживешь пока у меня, сколько нужно. Сегодня отдохнешь, а завтра Катя и я покажем тебе самые многообещающие сувенирные лавочки. Договорились?

Соня просияла.

– Конечно! – ответила она. – Об этом я и мечтать не смела! Вот, может, твой фэн-шуй уже работает?!

А Кэтян при этом посмотрела на меня с ехидством.

Глава третья. Три звездных старца

У меня есть хороший кубок, я разделю его с тобой.
И Цзин

Говорят, позови гостя переночевать у тебя одну-единственную ночь, он останется на неделю.

В случае с моей подругой Соней эта поговорка не сработала. Хотя вполне могу предположить, что ей этого хотелось. Но у нее был жесткий лимит времени, а кроме того, предстояло закупить товар для вывоза на мою, вдруг вспыхнувшую любовью ко всему экзотически-китайскому, бывшую родину.

Ну, тут уж мы не могли не посодействовать.

Я – кого ж и просить, как не родственников? – на время позаимствовала у кузена Го одну из его машин, ту, что сильно смахивала на помесь лимузина с грузовиком. Я справедливо полагала, что в этом монстре поместятся все покупки, которые предстоит сделать Соне. Также я лелеяла тайную мысль добавить к этим покупкам нечто от себя – по это исключительно для Сони, для роста ее счастья и благосостояния.

Посещение китайского магазинчика (не супермаркета, а этакой лавочки древностей, редкостей и ароматностей) – истинное наслаждение для знатока и ценителя. Поклонникам супермаркетов этого удовольствия не понять.

Мы побывали в лавочке почтенной Цунь Бо, где продавались прекрасные веера всех форм, размеров и расцветок – на любой вкус и достаток. Здесь Соня приобрела две дюжины недорогих вееров для «фирмы», а я купила два больших настенных веера лично в подарок Соне. Не для того, чтобы она ими мух летом отгоняла, конечно. Веер давно перестал быть дополнением к одежде, прекратившись в дополнение к жизни и интерьеру. Веер – символ славы, высокого положения в обществе, жизненных успехов. Веер обязывает, он своей красотой побуждает сделать ремонт в квартире и забежать к косметологу... Словом, вам попятно мое коварство, и веера для Сони я выбрала с умыслом. Один веер был черный, с летящим в алых облаках золотым драконом. Через второй веер (пурпурного цвета) тянулась ветка, отягощенная спелыми персиками. К тому же по краю обоих вееров выведены были иероглифы «богатство», «деньги», «процветание» – как раз то, что нужно моей закомплексованной, измученной житейскими неурядицами и не уверенной в своем счастье подруге.

После вееров настал черед лавки китайских фонариков. Китайские фонарики – это надежное средство улучшить себе настроение и распрощаться со всеми злыми духами и неприятностями – они просто не подступятся к дому, над которым алеет круглый бумажный фонарик! Во всяком случае, так полагают сами китайцы, а у меня нет резонов с ними спорить. Соня как зачарованная бродила среди изобилия всевозможных фонариков: бумажных, шелковых, керамических, стеклянных на резной деревянной основе... Целая полка была отведена под ароматические лампы, каждая из которых была неповторима и вызывала то удивление, то восторг, то улыбку... Кроме фонариков и ароматических ламп в лавочке торговали всякими мелкими талисманами вроде связок монеток, колокольчиков богатства, эолий⁴, зеркал ба-гуа, резных фигурок драконов, фениксов и черепах, шаров баодинга и даже разрисованных палочек для еды...

– Соня, ты не теряйся, – советовала я шепотом. – Что лучше всего разбирает народ в ваших магазинах, то и покупай. Здешние продавцы – очень вежливые и очень настойчивые.

⁴ **Эолия** (то же, что и «музыка ветра») – подвеска с кучей мелодично звенящих металлических, стеклянных или бамбуковых палочек. Наверняка у вас дома висит такая и страшно раздражает своим звоном. Раздражает? Значит, не там повесили!

Они будут упрашивать тебя купить у них весь магазин, но ты, соответственно своим финансам, сделать этого не можешь. Да и не должна. Бери что попроще и подешевле, в России все это сойдет за потрясающую экзотику, притом наверняка продаваться там она будет раз в десять дороже, чем здесь...

Но Соня все равно терялась и зачарованно застывала перед каждой мало-мальски симпатичной вещицей. Тогда я взяла инициативу в свои руки:

– Мы берем вот это, это, это и, пожалуй, еще вот этого с десятков, – заявила я улыбочкой продавщице. Та кивала и кланялась. Тут вдруг Соня вышла из восторженного ступора.

– Я хочу купить вот это, – сказала она не терпящим возражений голосом. И показала пальцем, хотя наверняка ее еще в детстве учили, что показывать пальцем – последнее дело вроде ограбления магазина или изобретения ядерной бомбы...

Я проследила за направлением указующего перста и сдавленно охнула. Потому что Соня возжелала не что иное, как...

Это были три куклы, каждая ростом не ниже пятнадцати дюймов и стоимостью наверняка... Но о стоимости покуда умолчу. Три куклы изображали трех звездных старцев-небожителей, почитаемых и превозносимых каждым китайцем. Фу, Приносящий Счастье; Лу, Приносящий Почести и Богатство, держащий благожелательный жезл-жуи в руках, и, наконец, Сау – Приносящий Долголетие; руки его отягощены персиком бессмертия... Словом, куклы были выполнены великолепно. Их фарфоровые личики, казалось, светились вполне живым человеческим добродушием. Шелковые борода старцев будто развевались на ветру; одежды из шелка, парчи и бархата выглядели роскошно и поистине небожительно. И, самое главное, эти куклы невозможно было купить по отдельности, все они крепились на одной черной лаковой подставке, достаточно большой для того, чтобы туда могла встать еще одна кукла.

– Соня, – тихо сказала я. – Твоим хозяевам такого не потянуть, это штучный товар. Посмотри, как сделаны, – просто музейный раритет! Выглядят как новые, но по виду им немало лет. Это антиквариат!

– Я не для хозяев, – сказала Соня сдавленно. – Я для себя. За любые деньги. Я без них из Китая не уеду.

– Вот понадобилось же тебе... Впрочем, я могу это понять. У меня с детства сохранилась кукла, подаренная покойной бабушкой Юцзян, – я никогда не могла налюбоваться этой куклой...

– Нила, – прошептала Соня, совершенно игнорируя мою болтовню, – спроси у хозяйки, сколько она хочет за эти куклы.

Я спросила. Хозяйка ответила с неизменной любезной улыбкой. Я в уме перевела ее юани на американские доллары и удивилась:

– Соня, а тебе сегодня везет. Да еще как! Хозяйка готова отдать эти чудесные куклы всего за сто двадцать американских долларов.

Соня аж побледнела:

– У меня столько нет. Осталось только на дорогу...

– Ох, Соня, – вздохнула я. – У нас, у китайцев, Новый год на носу. Поэтому сделаю я тебе такой подарок. Раз уж эти звездные старцы тебя так восхитили.

Я расплатилась с хозяйкой, та принялась упаковывать куклы в большую коробку и спросила меня:

– Вашей подруге, видимо, очень понравились звездные старцы?

– Вы о куклах? Да. Просто не знаю, что на нее нашло. Может быть, она всю жизнь мечтала о таких куклах.

– Это очень хорошие куклы, – сказала хозяйка. – Они принесут в дом вашей подруги здоровье, процветание и счастье, поверьте мне.

– Верю, – улыбнулась я. – А можно вопрос?

– Конечно, госпожа, – даже удивилась хозяйка.

– Куклы выглядят очень дорогими, а вы продали их всего за сто двадцать долларов. Почему?

– Но разве это вам не выгодно?

– А разве дело только в выгоде? – сказала я. – Просто интересно.

– Ну что ж, – ответила хозяйка магазинчика. – Вы наверняка заметили, что подставка под кукол больше, чем нужно. Это потому, что вначале, когда ли куклы только сделали, их было не три, а четыре. Работа известного мастера Чэнь Ху, и он не собирался их продавать, он надеялся преподнести их как свадебный подарок своей дочери. Но незадолго ли свадьбы кто-то влез в мастерскую мастера Ху, устроил там форменный разгром, а эти куклы упали с подставки. Четвертая куколка разбилась вдребезги, она была очень хрупкой...

– Четвертая! – вырвалось у меня. История становилась немного детективной, но мне это даже нравилось. Хозяйка наверняка привирает, но это придает нашей покупке особую пикантность.

– Да, госпожа, к сожалению, четвертая куколка разбилась, – повторила хозяйка. – Из-за этого происшествия мастер Чэнь Ху очень расстроился – какой же это свадебный подарок, если неполный! Он сделал другую куклу, изображающую знаменитую фею горы Ушань⁵, и подарил ее на свадьбу своей дочери. А звездных старцев отдал на продажу, даже не заботясь о цене. Они долго, очень долго стояли здесь, пока вы и ваша подруга не обратили на них внимание. Спасибо вам за покупку.

– А вам спасибо за историю. Интересно, а что это была за четвертая кукла?

– Разве я не сказала? – удивилась хозяйка лавчонки. – Это был Карако.

– Благословенный ребенок, несущий удачу в руках, – прошептала я.

– Именно, госпожа.

– Как жаль, что он разбился...

– Вот и мастер расстроился. Мол, главная кукла, приносящая удачу, – и погибла, какое уж тут счастье, – сказала хозяйка. – Что ж. Вот, все ваши покупки я упаковала. Благодарю сердечно, что посетили наш скромный магазинчик, заходите еще! И желаю вам благовещего Нового года!

Когда мы со всеми своими свертками и коробками уселись в машину кузена, я спросила Соню:

– Откуда в тебе такая страсть к куклам?

Приятельница странно посмотрела на меня:

– Страсть? Да я никогда не интересовалась куклами, даже в детстве. А тут... Просто не знаю, что на меня нашло. Я поняла, что, если не куплю три эти куклы, счастья в жизни не будет. У тебя такое бывало?

– Иногда, – кивнула я, вырываясь со стоянки... Через день Соня улетела в Россию: радовать своих хозяев закупленным мелочным товаром и радоваться самой приобретению трех звездных старцев. Интересно, последует она моим советам, касающимся устройства жизни по принципам фэн-шуй, или, как принято у россиян, «спустит все на тормозах»? Ладно, это уж не моя забота, впереди празднование Нового года, а это обязывает ко многому.

С Соней я обменялась номерами мобильных телефонов и на всякий случай дала ей свой пекинский адрес. Если захочет моего совета – позвонит. Хотя звонок из России в Китай, пожалуй, влетит ей в такие юани... Уж лучше пусть пишет письма.

А дальше я забыла и про Соню, и про ее куклы. И вообще про то, что она существует на свете. Наступил Новый год, Семья встречала его звонко, роскошно, незабываемо и феери-

⁵ Фея горы Ушань фигурирует в легенде о князе Сян-ване. Однажды она явилась ему во сне и разделила с ним ложе. Уходя, фея сказала: «Я рано бываю утренней тучкой, а вечером поздно иду я дождем»

чески. Моя дочь исполнила-таки танец льва в той дурацкой пестрой маске, а я все время переживала, как бы ей не подпалили хвост или гриву бесконечными фейерверками.

Потом кузен Го увез нас на три месяца в Гон-Конг – эти три месяца остались у меня в памяти бесконечная смена узоров в бешено крутящемся калейдоскопе... В Гонконге душа моментально настраивается на постоянную волну эйфории, почти экстаза, а это опасно, как и всякая передозировка удовольствия. Гонконг влюбляет в себя, лишает покоя и срывает все покровы с окултуренного сознания – здесь мне всегда хочется быть немного сумасшедшей. В Гонконге мы провожали зиму и встречали весну – яростную и нежную; со штормовыми ветрами и цветением персиков и слив... Но, благодарение трем Буддам, гонконгский экстаз для меня закончился благополучно и без особых потерь...

После Гонконга эстафету гостеприимства приняли наши шанхайские родственники, и примерно пару месяцев мы провели в этом удивительно славном и еще более удивительно многолюдном городе. Уже начиналось лето, и жизнь представлялась мне каким-то бесконечным отпуском, каникулами в раю... В Гуанчжоу, который славился своим чудесным зоопарком, нас с Кэтян сманила тамошняя кузина Хуа Чжао. Кэтян была в восторге, умоляла пожить в Гуанчжоу хотя бы с месяц, но я, если честно, порядком утомилась от этих праздничных и шумных вояжей. В конце концов я сдалась, препоручила Кэтян заботам кузины Хуа (Кэтян, похоже, была только довольна таким поворотом событий) и вернулась в свою тихую усадьбу.

Меня здесь не было почти полгода, но ни в доме, ни в саду не наблюдалось и следа запущенности – приходящие слуги знали свое дело. На пороге усадьбы меня встретил домоправитель:

– С возвращением, госпожа Чжао!

– Спасибо, Цань. Все благополучно?

– Разумеется, госпожа Чжао. Вы одна, без дочери?

– Кэтян осталась в Гуанчжоу на попечении моей добросердечной кузины. А я устала от развлечений и решила спокойно посидеть дома, погулять в саду...

– В саду сейчас прекрасно, госпожа Чжао. Распустились все поздние розы. Такая красота. И гортензии у пруда цветут вовсю. Вот-вот распустятся наши любимые перистые хризантемы... Да, а как цвели ранним летом пионы – жаль, что вы не видели!

– Я была на Празднике пионов в Шанхае...

– О, это наверняка удивительное зрелище! Куда прикажете подать вам чай – в гостиную или павильон? Я скажу служанке.

– В гостиную, но чуть позже. Я хочу искупаться в бассейне.

Домоправитель смутился и развел руками:

– Простите, госпожа, но это не получится.

– А что случилось?

– Вода зацвела... Мы несколько раз вызывали службу очистки, меняли воду, но проходят сутки, и вода портится.

– Хм, странно. Ладно, я сама посмотрю, в чем там дело. Но с ванной-то, надеюсь, все в порядке?

– Безусловно, госпожа.

– В таком случае я приму ванну. Кстати, мне кто-нибудь звонил за всё это время?

– Звонков было немного, госпожа, все они записаны на автоответчике.

– Хорошо, потом прослушаю...

Я оставила чемоданы в холле и обошла дом. Нет, все прекрасно, исключая «захандривший» бассейн. Кругом чистота и ощущение того, что тебя здесь всегда ждут, потому что это место – твое. В гостиной тихо и монотонно стрекотали сверчки, да не простые, а бойцовые. С полдюжины бойцовых сверчков вырастила моя дочь, ей возня с этими уродцами доставляла истинное удовольствие; мало того, она выпускала своих питомцев на настоящие сверчковые

бои и даже зарабатывала на этом. Кэтнян взяла с домоправителя клятвенное обещание, что он не забудет ежедневно кормить сверчков и выгуливать их в специальном загончике.

Похоже, домоправитель сделал все, чтобы сверчки чувствовали себя уболагодворенными; во всяком случае, выглядели они вполне бойко и жизнелюбиво. Я поприветствовала этих страшеньких насекомых, после чего направила в гардеробную и ванную (в моем жилище ванная не примыкает напрямую к спальне, поскольку это противоречит правилам здоровой энергетики дома, так-то). Но надо же где-то переодеваться, вот я пристроила к ванной небольшую гардеробную – с круглым лунным окошком в цветных витражах, встроенными шкафами и маленькой кушеткой.

Ванна уже была приготовлена – с лавандовой пеной и целой батареей флаконов с шампунями, гелями и прочими милостями судьбы, позволяющими женщине ощутить себя Венерой хотя бы на время купания... Кроме того, на стеклянном столике рядом с ванной стояло серебряное ведро с открытым шампанским и бокал. Я наполнила бокал, сделала глоток. Ах, хорошо хоть на мгновение ощутить в себе европейское начало! Водка из гаоляна – это, разумеется, прекрасно, но коллекционное шампанское...

Я погрузилась в ванну, предвкушая как минимум часовое блаженство, уже отпила шампанского, и тут – прямо как в дешевом кинотриллере – зазвонил мой домашний телефон.

– О нет, – сказала, смакуя шампанское. – Госпожа Нила Чжао изволит принимать ванну и желает, чтобы за нее отдувался автоответчик.

И автоответчик, исполняя мою волю, принялся добросовестно отдуваться:

– Здравствуйте, вы позвонили в дом госпожи Нилы Чжао. В данный момент госпожа Нила Чжао не может подойти к телефону, поэтому оставьте ваше сообщение после сигнала...

Раздался длинный гудок, и я подумала, что сейчас услышу очередную оптимистическую тираду либо от дочери, либо от какого-нибудь родственника. Но услышала нечто совершенно иное!

– Ну здравствуй, поганая тварь! (Дальше шло забористое китайское ругательство, которое я, как ни старалась, не смогла полностью перевести.) Жди расплаты за свои грязные делишки! Ты заморочила голову моей жене своей наукой, и жена ушла от меня! А теперь я хочу проверить, устоит ли твой фэн-шуй против моего револьвера. Я выхожу охотиться на тебя, тварь! На тебя и на твою дочь! Пожалуй, ее я убью первой. Пока, тварь! Не скучай!

...Короткие гудки. Я уже не нежилась, а стояла возле ванны, и с меня стекали хлопья лавандовой пены. Меня трясло – не от холода, от страха. Это что еще за телефонные шалости?! Амитофо, да кому мог заморочить голову мой фэн-шуй? Как фэн-шуй вообще может *заморочить голову*?

Я заставила себя сдернуть с крючка полотенце. При этом мне померещилось, что из-под полотенца на меня глядит, как пишут в детективных романах, черный зрачок пистолета. Или этот тип сказал, что у него револьвер?..

Ладно, сейчас это не главное. Главное – обезопасить дочь и сообщить Семье, что появился какой-то полоумный, угрожающий покончить со мной.

Кое-как вытершись, я надела длинный банный халат и кинулась в гостиную к телефону. В гостиной было пусто, а стойка с телефоном, белевшая рядом с диваном, мне на мгновение напомнила грозный указующий перст... Чушь какая! Я босиком доскакала до дивана, плюхнулась на него, поджав ноги (тут же примерещилась рука с мясницким тесаком, тянущаяся из-под дивана и грозящая оттяпать мне ступни). Взяла с этажерки мобильник... Что ж руки-то так трясутся! Ведь это наверняка какой-то дурацкий розыгрыш...

Снова зазвонил городской телефон, да так, что я аж подпрыгнула на диване! Не-э-эт, дудки, я к нему не подойду, пусть уж лучше автоответчик...

– Здравствуйте, вы позвонили в дом госпожи Нилы Чжао. В данный момент госпожа Нила Чжао не может подойти к телефону, поэтому оставьте ваше сообщение после сигнала...

– Приветствую вас, госпожа Нила Чжао. – Этот мужской голос был шелковист и мягок. Кошачий какой-то голос – Полагаю, что вы уже возвратились из вашего длительного праздничного турне. Очень рад за вас, а теперь о деле. Я не стану представляться, полагаю, вы и так меня вспомните, когда хорошенько поразмыслите о том, что в один неблагоприятный день осмелились перейти мне дорогу. Вы улучшили бизнес-условия одному моему конкуренту, и теперь он процветает, а моя фирма из-за его процветания оказалась на грани банкротства. Я обращался к другим мастерам фэн-шуй, но они бессильны мне помочь! Оказывается, вы, госпожа Чжао, лучший мастер, который может наладить поломанную жизнь! Так вот. Я преклоняюсь перед вашим мастерством и хочу одного: теперь вы улучшите *мой* бизнес и сделаете несчастным моего конкурента. Какими методами вы намереваетесь это сделать, мне безразлично. Вы мастер. Если вы согласны на это требование, то позвоните по телефону (прозвучал набор цифр) в течение суток. Если я не дождусь от вас звонка, поверьте, у меня найдется немало неприятных способов испортить вам жизнь. И даже ваша Семья вам не поможет! Всего хорошего, госпожа Чжао.

В продолжение этого шелковисто-бархатистого телефонного монолога я сидела, ощущая полный симбиоз с диваном. Его ворс пророс сквозь мою кожу, закрепился на мышцах, диванная подушка растворилась в своих нежных недрах мой измученный позвоночный столб... Словом, я впала в ужас и трепет. Я уже не считала *этот* звонок дурацким розыгрышем.

– Мама моя дорогая, – сказала я по-русски.

И хотела добавить к этим словам еще кое-что по-русски, но тут...

Вы угадали!

Третий звонок!!!

А как же иначе – закон жанра обязывает!

Услышав требовательную трель звонка, я взвилась с дивана свечкой и заметалась по гостиной. Покуда автоответчик наговаривал известный текст, я – кристально-чистая атеистка – успела взмолиться всем китайским божествам о том, чтобы это был обычный звонок!!!

Однако китайские божества не внемлют молитвам атеисток русского происхождения. В этом я убедилась сразу, когда услышала голос.

На сей раз голос был женский. И он говорил на английском языке. Я бы даже сказала, чересчур женский и чересчур английский. От таких голосов почему-то хочется избавиться при помощи огнестрельного оружия.

– Привет, сучка! Я до тебя доберусь, клянусь! И выцарапаю тебе глаза, так и знай! Это ты увела у меня мужа, стерва с компасом! Я сразу поняла, что он задумал, когда привел тебя улучшать планировку нашей спальни! Ага, теперь ты сама с ним кувыркаешься! – Голос перешел на визг. – Но это тебе так не пройдет! На улицу высунешься, я тебя изуродую, киллера найму, чтоб он тебя прикончил!

Героиня третьего звонка еще с полминуты обогащала мой тезаурус отменными ругательствами, а потом отключилась.

Безумный страх во мне уступил место истерическому хохоту.

Я вызвала домоправителя.

– Да, госпожа Чжао?

– Вы это слышали, Цань?

– Что именно, госпожа Чжао?

– Телефонные звонки. Только что.

– Нет, госпожа Чжао. Я был в розарии.

– Вам повезло, Цань. А мне пришлось выслушать целых три монолога типов, угрожающих покончить со мной.

– Амитофо! Как такое может быть?

– Вот и я о том же думаю... Я всегда считала, что фэн-шуй самое мирное занятие на земле... После коллекционирования открыток. Послушайте, Цань.

– Да, госпожа?

– В этом доме все в порядке с охраной, сигнализацией, системой видеонаблюдения?

– Разумеется, госпожа Чжао. Но если угодно, я лично проверю, как работают все охран-
ные системы.

– Да, пожалуйста, Цань. И сообщите всей прислуге, чтобы была поосторожнее и не пус-
кала за ограду усадьбы разных... подозрительных типов.

– Прислуге будут даны надлежащие указания, госпожа Чжао. Я могу идти?

– Да.

Домоправитель ушел. Я рада, что говорила с ним голосом, не дрожавшим от страха. Так.
Как бы я ни храбрилась, все равно без помощи Семьи не обойтись. Но прежде всего я набрала
номер мобильного моей дочери:

– Ма-а?

– Катя, – я на всякий случай заговорила по-русски, – с тобой все благополучно?

– Да. – Кэтнян тоже перешла на великий и могучий, видимо, ее удивило напряжение в
моем голосе. – Я в порядке, мы с тетей Хуа гуляем в парке, любимся цветущими магнолиями
и золотым гинкго. Что случилось?

– Нет, ничего. – Я пока решила не пугать дочку этими глупостями с телефонными угро-
зами. – Просто я по тебе соскучилась.

– Ну, я тоже по тебе скучаю, мам. Хочешь, я прилечу домой?

... Чтобы здесь на моего ребенка напали непонятные телефонные подонки?!

– Нет-нет, Катя, ты оставайся пока с кухней Хуа. У меня тут... кое-какие дела. Кстати,
кузина рядом с тобой? Передай ей трубку.

– Даю.

– Аллю, Хуа? Здравствуй, дорогая. – Теперь я, естественно, говорила на китайском.

– Здравствуй, Нила, что стряслось?

– Пока ничего, но у меня к тебе чрезвычайная просьба: не спускай с Кэтнян глаз. Гуляйте
с охранником, сторонитесь пустынных и подозрительных мест, в общем, берегите себя.

– Нила, я не понимаю...

– Хуа, кто-то по телефону угрожал мне. Мне и Кэтнян. Я просто хочу тебя предупредить.
Чтобы ты поберегла мою девочку. Может быть, это пустые и беспочвенные угрозы. А может...

– Не продолжай, – сказала кузина. – Сообщи Семье. И сама будь очень осторожна.

– Постараюсь, – пообещала я. – Поцелуй за меня Кэтнян.

– Обязательно. – И Хуа отключила мобильник.

Я недолго пометалась по комнате, а потом взяла себя в руки. Переделась в джинсы
и домашний свитер, попросила Цаня приготовить ланч на две персоны. И лишь после этого
набрала номер кузена Го Чжао.

– Здравствуй, Нила, – немедленно отозвался он.

– Привет, Го. Ты не мог бы прямо сейчас ко мне приехать? Я не осмелилась бы беспокоить
тебя по пустячному делу, но...

– Буду через полчаса. Жди. – Кузен Го знал, что по пустякам я действительно его никогда
не беспокою.

А эти дурацкие звонки – разве пустяк? И все в один день, в день моего возвращения
домой, да еще и с интервалом примерно в минуту-две!

Где и что я сделала не так, что удача вдруг решила место приятной улыбки продемон-
стрировать мне хищный и неласковый оскал?!

Кузен Го оказался верен своей пунктуальности. Через полчаса я уже встречала его в
гостиной – как всегда элегантного, с легким намеком на инферальность.

– Рада снова видеть тебя, кузен, – традиционно поклонилась я.

– А уж я-то как рад, – отвечал Го. – «Ты попрощалась, и цветы были, как снег; ты вернулась, и снег стал, как цветы».

– Фань Юнь.

– Точно.

– Кузен, ты неподражаем. Позволь угостить тебя ланчем.

– Нила, я ехал не за тем. Что стряслось?

– Ты прав, лучше сразу к делу. Мне и самой кусок в горло не лезет. Кузен, незадолго до твоего приезда мне позвонили на городской телефон три человека. Трое неизвестных. Я не брала трубку, все записалось на автоответчике. И в общем...

– Перемотай пленку. Я должен прослушать.

Я повиновалась. Первую угрозу кузен выслушал с лицом безмятежным, как бутон лотоса в священном пруду. Точно такое же спокойствие было на его лице, когда он слушал истерические вопли дамочки, потерявшей мужа. А вот реакция кузена на шелковисто-кошачий голос была весьма... впечатляющей. Он несколько раз перематывал пленку и прослушивал именно эту запись.

– Ну, что скажешь? – не вытерпела я.

– Нила, я удивлен, – выговорил мой драгоценный кузен. – Удивлен тем, как тебя угораздило вызвать гнев самого Красавчика Ванга!

– Кого, прости?

– Красавчика Ванга, или Тони Ванга – его по-разному неофициально именуют в определенных кругах. Настоящее его имя Ванг Юнг Чхунхен, он наполовину кореец и на все сто процентов настоящее чудовище.

Я помертвела:

– То есть?

– У него хорошо развита фантазия относительно различных жестокостей и абсолютно отсутствует чувство меры. Люди, рискнувшие вызвать недовольство Красавчика Ванга, как правило, отправляются к Желтым истокам в сильно изуродованном виде и не поддающимися опознанию.

– Го! – воскликнула я в отчаянии. – Но я не виновата! Я не хотела переходить дорогу этому Красавчику Вашу! Откуда я знала, что...

– Сейчас дело не в этом, – прервал меня кузен. – Ты должна вспомнить того из своих клиентов, которому оказала позитивную помощь и который так не угоден Тони Вашу. И вспоминай быстрее, дорогая моя.

– Я не знаю, кто это может быть! Послушай, Го, данные обо всех моих клиентах занесены в компьютер, и если мы прямо сейчас поедem в мой офис...

– Едем, – тут же поднялся кузен Го. – Красавчик Ванг не любит ждать. Кроме того, я уверен, что его люди сейчас каким-то образом ведут наблюдение и за твоим домом, и за офисом. Пока ты не вышла на связь, они не будут предпринимать никаких действий. Если ты заявишь о сотрудничестве и полной готовности выполнить требования Красавчика Ванга, возможно, все будет в порядке.

– Возможно?

– Я повторяю: он чудовище. Лучше самому себе отрезать руку, причем без анестезии, чем перейти дорогу Красавчику Вангу.

– Го, не пугай меня!

– В машину, – непреклонно потребовал кузен. – Слугам скажешь, чтобы из дома ни ногой. Ни один. Чтob по периметру усадьбы включили сигнализацию, как только мы выедем за ворота. И все видеокамеры. На всякий случай.

– Х-хорошо.

Так и не успела я перекусить. Впрочем, до еды ли сейчас!

Я отдала распоряжения домоправителю, и мы с Го уехали в его «пятерку» BMW, ценимую кузенком за скромные размеры и повседневную неброскость. Пока ехали к офису, я спросила:

– Го, а как насчет двух других звонков? Там тоже угрозы такие, что...

– Эти не стоят твоего внимания. У меня есть нужные ребята, которые за пару часов вычислят, кто звонил и откуда. А другие нужные ребята наведаются по найденным адресам и зададут нужные вопросы.

– Го, ты это... Скажи: убивать никого не будут?

– Обижаешь, кузина, мы что – бандиты из шанхайских притонов? Но если надо разобратся, мы разбираемся. Уж поверь. Тебя это не коснется, гарантирую.

– И на том спасибо.

Когда мы подъехали к моему офису, кузен сказал:

– Я иду первым. Ты за мной. Медленно и след в след, со смиренно опущенной головой.

– Это еще почему? – возмутилась я. Смирненно опускать голову из-за блажи какого-то бандита – не слишком ли?

– Потому что любопытно вертящий головой объект пробуждает зуд в пальцах снайпера, наблюдающего за жертвой сквозь оптический прицел.

Вот кто, кроме моего чудесного кузена Го Чжао, мог так емко и одновременно поэтично ответить?!

Я послушно двинулась вслед за кузенком, затылком ощущая как минимум дюжину снайперских винтовок, направленных мне в область второго шейного позвонка. Да еще и ручной гранатомет... О, с такой фантазией нечего делать в фэн-шуй, лучше снимать боевики или...

– Нила, надеюсь, ты не забыла ключ от офиса?

– Кузен, ты меня обижаешь. Вот магнитная карта, замок откроется только тогда, когда с этой карты считается код. Ключи – это прошлый век.

– Ну-ну, – сказал кузен.

Я вставила магнитную карту в прорезь замка, тот пару раз пискнул, затем щелкнул, и отпертая • шерь подалась вперед. Я бесстрашно шагнула первой. В конце концов, если бы Красавчик Ванг хотел меня убить, он сделал бы это по меньшей мере два десятка раз. Но Красавчику Вангу мастер фэн-шуй Нила Чжао не нужна с простреленным затылком. Нужна живая и, что обязательно, позитивно мыслящая.

В офисе, разумеется, было пусто и тихо...

Нет, не совсем тихо!

Из кабинета явственно доносился шум работающего компьютера!

– Нила, – спросил меня кузен, – ты оставляла компьютер работающим?

– Нет. – На негнущихся ногах я шла к кабинету. – Кузен, у меня отличная память, и поверь мне...

– Верю.

Мы вошли в кабинет.

Кабинет, разумеется, тоже был пуст, и не было в нем ничего необъяснимого, кроме работающего компьютера, который включала не я. Я не была в своем офисе полгода, полгода не притрагивалась к работе, так что...

Компьютер находился в ждущем режиме, но стоило кузену двинуть мышкой, как темный монитор ожил и явил мне содержимое раскрытой папки «Клиенты».

– Ты только погляди, Нила, – восхищенно сказал мой кузен, – как работают люди Красавчика Ванга! Они даже пришли к тебе на помощь – вывели на экран данные того самого типа, которому отныне, по требованию Красавчика, ты должна испортить жизнь и бизнес.

Я тоже смотрела на экран, кузен был прав. Красавчик Ванг и тут напомнил о себе с деликатностью скалы, упавшей на деревню. Я прочитала имя:

– Шэнь Сичжи. Сорок пять лет, вдовец, детей не имеет. Бизнесмен, президент...

– Чайной компании «Яншэн», – продолжил за меня кузен. – Компания существует не один десяток лет и занимается производством и поставками только элитных сортов чая. Чай «Яншэн» в Европе ценится просто на вес золота...

– Я вспомнила этого господина Сичжи! – воскликнула я. – Он приходил ко мне с просьбой улучшить судьбу, да. Но эта просьба касалась вовсе не бизнеса, помню, господин Сичжи даже напирал на то, что бизнес его процветает. Он просил меня...

– Что? – напрягся кузен.

– Помочь найти ему спутницу жизни. В соответствии с гороскопами и правилами фэншуй. И все! Может быть, Красавчик Ванг ошибся и его интересует совсем не господин Сичжи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.